
ЕВГЕНИЙ НЕТТ
003
ЛЕКС
ПУТЬ ЭСКАПИЗМА

Евгений Нетт

ЛЕКС. Книга III

«Автор»
2026

Нетт Е.

ЛЕКС. Книга III / Е. Нетт — «Автор», 2026

Жизнь, казалось бы, начала налаживаться: экзамен остался позади, репутация идёт строго вверх, а конфликты удаётся решать с минимальными потерями. Вот только в эту бочку мёда кто-то решил вылить целый ковш дёгтя.Попытка похищения дочери рода Озмунд, информационная блокада, волнения в верхах Империи и, как вишенка на торте, письмо с угрозами, направленными на моих близких. Всё как в старые-добрые со скидкой на то, что масштабы больше, да и методы не столь топорные.Я не знаю, хотели ли неизвестные меня запугать или проверить. Да и не важно это. Ведь единственное, чего они добились – я решил, что пора прекращать только реагировать...

© Нетт Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Союз. 5
Глава 2. Ближний круг. 10
Глава 3. Тесный-тесный круг. Часть 1. 20
Глава 4. Тесный-тесный круг. Часть 2. 25
Глава 5. Что можно сказать. 32
Глава 6. Дела налаживаются. 39
Глава 7. Кружок по интересам. Часть I. 45
Глава 8. Кружок по интересам. Часть II. 50
Глава 9. Определяющая сделка. 55
Гл 61
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Евгений Нетт
ЛЕКС. Книга III

Глава 1. Союз.

Я трижды перечитал записку, после чего прошёлся по комнате, заглянув в каждый её уголок. Проверил окно, шкаф, полки, замок на двери – но, как и ранее, ничего не указывало на то, что кто-то смог сюда пробраться.

«Судя по всему, листок просто просунули под дверь, протолкнув поглубже. Или им нужно было, чтобы я так думал… Но вероятность того, что на территории академии «в режиме осады» обретается и активно действует профессионал, могущий попасть в запертое помещение и не оставить следов, исчезающе мала. А вот исключать то, что это проверка, никак нельзя. С Имперской Безопасности станется сделать предложение, от которого сложно отказаться, и день-в-день подбросить «письмо с угрозами» – все инструменты для такого перфоманса у них есть. И молчать при таких исходных попросту глупо…».

Вдвойне ошибочно было бы скрывать факт получения «послания» или пытаться со всем разобраться в одиночку. И потому, что если это проверка, то я тогда провалю её с треском, и потому, что слепо принимать навязанные потенциальными недругами правила – это путь в никуда.

«Единственно верная стратегия в таком случае – сломать чужую игру, но у меня не то, чтобы много вариантов это сделать».

Я сложил послание вчетверо, сунув его во внутренний карман пиджака, и вышел в коридор. Найти гвардейца в нынешние времена было легко, но я спустился в холл специально для того, чтобы отыскать там офицера званием постарше – благо, знаки различия они не скрывали, а обращаться к разного рода капитанам уже входило у меня в привычку.

– Господин Лазарь, – мужчина безошибочно определил направленное на него внимание. – Чем могу помочь?

– Мне необходимо встретиться с сотрудником Имперской Безопасности. Чем быстрее, тем лучше, – я ответил коротко и лаконично, сложив руки за спиной и всем своим видом демонстрируя, что это не шутка.

А параллельно сканировал взглядом окружающее пространство, но, судя по всему, зря – никто не собирался устранять «буйного Лазаря» здесь и сейчас.

«Насколько же проще всё было бы, попытайся они меня незатейливо прикончить. Но чего нет – того нет» – мысленно вздохнул я, борясь с тоской по тем временам, когда я сам был слишком незначительной фигурой, чтобы ради меня или моих близких кто-то плёл интриги и заговоры.

Гвардеец тем временем нахмурился, но продержалось напряжённое выражение на его лице всего секунду – профессиональная выучка быстро вернула всё на круги своя.

Впрочем, от меня не укрылось то, что его рука как легла на рукоять катализатора в кобуре, так и осталась лежать на ней: расслабленно, но так, что в случае чего первая техника будет активирована за считанные мгновения.

– Пройдёмте со мной, господин Лазарь. В центральном крыле сейчас дежурит старший следователь Рихт. Полагаю, ваш вопрос нужно адресовать к нему…

Я молча кивнул, двинувшись следом за офицером. Тот действовал быстро и уверенно: передал пост подчинённому, по одному ему известной логике отобрал из числа охраны в холле ещё пару человек – и организовал конвой, сопроводивший меня до самого центрального крыла.

На улице других студентов уже не было – в силу вступил комендантский час. Зато от патрулей на территории стало не протолкнуться: казалось, что к ночи сюда согнали гарнизоны всех государственных учреждений Сант-Море.

Само главное здание Первой Академии встретило нас тишиной и приглушённым светом – горела каждая третья лампа, а некоторые кабинеты с открытыми дверьми так и вовсе тонули в темноте. Постов охраны или тем более гвардии тут почти не было, но вот сотрудники Имперской Безопасности безостановочно сновали то тут, то там, и поздний час не смущал их ни в малейшей мере.

Капитан сопроводил меня прямиком на четвёртый этаж, в ту часть административного крыла, которую обычно никто не использовал за ненадобностью, и которая ныне стала натуральным «гнездом» людей в чёрном. Сюда стекались все самые свежие данные, и отсюда же расходились приказы, за неимением нормальной связи доставляемые бесчисленными вестовыми.

Сейчас же за сиротливо ютящемся посреди полупустого кабинета столом восседал высокий, сухой и внешне чем-то напоминающий богомола мужчина с перманентно недовольным лицом и въедливым взглядом.

Он работал одновременно с парой планшетов и стопкой бумаг, а на моё появление отреагировал сначала с ещё большим недовольством, поутихшим в тот миг, когда он, наконец, понял, кто я.

– Господин Лазарь? – его брови чуть приподнялись. – Старший следователь Рихт Краус. Чем обязан?

– Этим, – я выудил из кармана листок, раскрыл его и протянул мужчине. – Записка, подброшенная кем-то в мою комнату. Написана на листке, вырванном из тетради моей знакомой, простолюдинки Алисии Фольт…

Рихт принял бумагу, развернул, оценил конспект с одной стороны и пробежался взглядом по тексту с другой. И замер. Выражение его лица плавно изменилось с раздражённо-недовольного на настороженное, а следом – и на мрачное. Он нервно облизал губу, снял с пояса рацию, кивнул мне, отвернулся и связался с коллегами, сквозь шипение бросив несколько отрывистых, малопонятных постороннему фраз.

Только после этого он вновь обернулся ко мне.

– Господин Лазарь, – начал он голосом, ставшим заметно более собранным, – я попрошу вас остаться здесь. Никуда не уходите. Я сообщу начальству и лично Его Высочеству.

– Я и не планировал исчезать, – спокойно ответил я, оглядевшись и опустившись в свободное кресло у стены. – Буду ждать столько, сколько необходимо.

Следующие полчаса тянулись преступно медленно. Я сидел в гордом одиночестве, разглядывая нехитрое убранство ещё недавно пустовавшего кабинета. Мысли текли размеренно и неспешно: без паники, без страха и без прочих ненужных сейчас эмоций.

«Если это проверка, то я её прошёл. А если угроза реальна, то я уже сделал всё возможное для минимизации последствий. Дальнейший план действий будет основываться на том, что и как смогут сделать безопасники, потому как если такие «интриганы» действительно существуют, то пытаться бороться с ними самолично будет сродни попыткам остановить приливную волну, вооружившись совком и ведёрком. Видимость работы будет, а вот эффект…».

Спустя ещё четверть часа двери наконец открылись, и в кабинет вошёл Александр Затворницкий собственной персоной.

Со следами внепланового пробуждения, но всё равно собранный и в достаточной мере представительный. Сопровождал принца Поук, по всей видимости, оставшийся в академии в роли прослойки между мной и Имперской Безопасностью накануне «укрепления сотрудничества».

Ну а за ними двумя показался и Рихт, по всей видимости, уже успевший ввести всех в курс дела настолько, насколько это было возможно.

– Лександр, – принц коротко кивнул мне. – Я ознакомился с посланием… и вынужден сообщить, что это не дурная инициатива Безопасности, и не «проверка лояльности». Ни один из отчитавшихся отделов ИБ не санкционировал подобного. И я рад, что ты пришёл с этим к нам, а не стал держать всё в тайне…

– У меня были сомнения на этот счёт, Александр, – признался я, ничуть не покривив душой. – На кону оказалось благополучие моих близких. Но логика подсказала, что играть по чужим правилам – значит лишь отсрочить проблему, а то и приумножить её масштаб…

«Впрочем, нельзя не признать, что с восемнадцатилетним юнцом это вполне могло сработать. Но репутация и связи Лександра сыграли мне на руку: никакой эмоциональной реакции на угрозу «любовнице-простолюдинке» не случилось. Хоть что-то хорошее в этом шлейфе дурного прошлого…».

– Именно это понимание и отличает разумного человека от слепца-идеалиста, – Александр выдохнул беззвучно, сложив руки за спиной. – Однажды поддавшись на такие угрозы, человек гарантированно попадает в ловушку уже сделанного или не сделанного. Впрочем, вряд ли тебя сейчас удовлетворит демагогия…

Принц смерил меня доброжелательным, но уставшим взглядом, словно говорящим «ну почему снова ты?», после чего кивнул Поуку.

Безопасник вышел вперёд на полшага:

– Господин Лазарь, я уполномочен сообщить, что ваш отец, Его Сиятельство граф Альберт Лазарь, уведомлён о возможной угрозе. К вашим младшим родственникам, в частности, к сёстрам, будет откомандирована группа специалистов по сопровождению и защите. Потенциально угроза многогранна, и Имперская Безопасность не собирается оставлять без присмотра ни одной потенциальной цели. У меня всё.

Поук отошёл назад, старательно изобразив своё превращение из человека в предмет интерьера. Получилось у него неплохо: видно, опыт уже имелся.

Я же перевёл взгляд на Александра, выждав пару секунд:

– Ты предвосхитил мой вопрос, Александр. Но список близких мне людей не ограничивается только и исключительно родными, – я поймал его взгляд. – И я предполагаю, что даже если у Империи хватит возможностей приставить телохранителей ко всем «потенциальным целям», то после второй, пятой или десятой итерации начнутся проблемы…

– Имперская Безопасность уже делает всё возможное для того, чтобы выявить членов этого «кружка по интересам», Лександр, – принц безошибочно уловил мой посыл. – Но это не произойдёт мгновенно, как бы нам ни хотелось иного.

– Чудес я и не жду, – я медленно кивнул. – Но я хочу, чтобы ты знал, Александр – я готов оказать посильную помощь в поиске негодяев. Они посмели угрожать моей семье, и я не хочу ждать, пока проблему решит кто-то другой.

Александр чуть склонил голову, поправив очки на переносице и посмотрев на меня взглядом, застывшим на грани между инстинктивным стремлением руководствоваться холодным расчётом – и желанием сохранить искренность.

– Посильная помощь, – повторил принц задумчиво, словно пробуя фразу на вкус. – Лександр, ты ведь понимаешь, что сейчас балансируешь на острие ножа? С одной стороны – твоё желание защитить близких, которое я разделяю всецело. А с другой… Ты – мишень, и твоё участие во всём этом вполне может быть ровно тем, чего наши недоброжелатели и добиваются. Любой шаг может привести к фатальным последствиям.

– Я это понимаю, – мой голос не дрогнул. – Но бездействие – тоже шаг, Александр. И, возможно, именно тот, который им и нужен. Лично я совсем не уверен в том, что прямо сейчас

«Те, Кому Повезло Зреть в Будущее» не занимаются вербовкой других студентов, используя те же методы. Где одна угроза – там и вторая…

Александр вздохнул, бросив взгляд сначала на Рихта, а затем – на Поука. Он цокнул языком приподнял очки и устало потёр переносицу:

– Хорошо, – бросил он тихо. – Тогда начнём с того, что уже было сделано. Стоит признать, что я и сам пока не в курсе всего. Рихт?

Старший следователь шагнул вперёд, выудив из папки копию листка-послания. Очевидно, что оригинал уже ушёл к специалистам – Имперская Безопасность действовала по горячим следам в надежде сходу выйти на составителя записки.

– В интересах следствия я хочу уточнить несколько моментов, господин Лазарь. Вы обнаружили записку в своей комнате. Дверь была заперта?

– Да, – я кивнул. – Я запираю её даже тогда, когда ухожу ненадолго. Это привычка.

– Следы взлома, на ваш взгляд?

– Отсутствовали. Замок был цел, окно закрыто изнутри, все вещи остались на своих местах. Сам листок лежал на полу, в метре от порога. Лично я склонен считать, что его протолкнули под дверью – щель позволяет это провернуть даже первокурснику, минимально владеющему эрикс-искусствами…

– Учтём. Более вы ничего не видели? Ни с кем не пересекались по пути в комнату?

– Я возвращался вместе с основным потоком студентов, господин Рихт, – я покачал головой. – Проще сказать, с кем я не пересекался, нежели наоборот.

– Что ж… это звучит разумно, – нехотя признал мужчина. – К сожалению, камер в коридорах общежития крайне мало. Аристократы не любят, когда за ними следят. Даже если это вопрос безопасности…

Я проследил за взглядом следователя, направленным на Александра. Принц же старательно делал вид, что тонкий намёк на весьма толстые обстоятельства прошёл мимо него: даже Его Высочество не собирался вступать в конфронтацию со всей знатью, пытаясь заставить тех пожертвовать приватностью в пользу безопасности.

– Господин Рихт, могу я уточнить один момент? Оригинал послания. Ранее я сообщил вам, что сама бумажка была вырвана из тетради Алисии Фольт…

– Девушку уже проверяют, господин Лазарь, – начал он, и тут же поспешно поправился: – Проверяют, что она в безопасности, и что ей никто не успел навредить. Пока удалось установить лишь, что конспекты студентки Фольт хранились в её комнате, и в последние дни наружу она их не выносила.

– Следовательно, или записка была подготовлена сильно заранее, что невозможно с учётом её содержания, или у террористов есть доступ и к женскому общежитию тоже, – подытожил я, нахмурившись. – Это всё усложняет.

«Я наивно полагал, что листок у Алисии позаимствовали, пока она была в, скажем, библиотеке… но общежитие? Один умелый диверсант – это много, хоть и терпимо. Но два разнополых, или вообще один эксперт высочайшего класса, действующий на территории, битком набитой безопасниками, гвардейцами и охраной?..».

– Существенно усложняет, – Александр кивнул, вновь поправив очки. – Рихт, чем ещё мы располагаем?

– К сожалению, Ваше Высочество, – следователь развёл руками, – на текущий момент это всё. Господин Лександр пришёл ко мне не больше часа тому назад, и специалисты из Управления должны были только-только взяться за дело. У нас будет на порядки больше информации к утру, но сейчас мы располагаем только самыми общими сведениями…

– Что автоматически делает дальнейшее обсуждение почти бессмысленным, – принц поджал губы, в несвойственной ему манере дав волю эмоциям, прорвавшимся в голосе. – Лександр, я предлагаю закончить на этом на сегодня. Как и сказал Рихт, разумно будет дождаться

итогов работы специалистов и выводов аналитиков прежде, чем принимать значимые решения. А ещё нам следует отдохнуть…

– Определённо стоит, – согласился я, выдержав паузу в несколько секунд. – Завтра будет тяжёлый день.

Александр хмыкнул:

– Необычайно тяжёлый. Лександр, – он чуть прищурился, протянув мне руку, – могу ли я считать, что так или иначе, но ты принимаешь то моё предложение?

«Вот же… Аристократ, одним словом. Но этот союз теперь нужен не столько ему, сколько мне. Потому как своими силами защититься со всех сторон я не смогу».

– По сути своей, да, – я крепко сжал его ладонь. – Ты можешь так считать, Александр.

– Превосходно, – Его Высочество широко улыбнулся, а усталость в его взгляде на миг сменилась промелькнувшим в нём триумфом. – Тебя сопроводят до общежития, а завтра выдадут коммуникатор, адаптированный для работы в ныне «закрытой» сети Академии…

– Не сейчас? – я вздел бровь.

– Сейчас их ещё нет, – принц развёл руками. – Никто не ожидал того, что когда-либо вообще потребуется отрезать Академию ото внешнего мира и даже от сообщения внутри периметра. До завтра, Лександр.

– До завтра, Александр…

Дальше меня вывели в коридор, передав «на руки» всё тому же капитану гвардии, и сопроводили в общежитие. Правда, в мою же комнату меня не пустили, сопроводив в другую: чтобы не мешал специалистам искать хоть какие-то зацепки «на месте преступления».

Но за этот непозволительно долгий день я вымотался вполне достаточно для того, чтобы без проблем уснуть на любой хоть сколь-нибудь горизонтальной поверхности.

«И всё-таки этот мир смог втянуть меня туда, куда я так не хотел лезть. Но не хотел ли на самом деле?» – промелькнула последняя мысль перед тем, как я погрузился в сон.

Глава 2. Ближний круг.

Для того, чтобы проснуться вовремя, будильник мне не был нужен уже давно. Вот только сегодня побудка оказалась сопряжена с крайне неприятным ощущением: словно ночью тело вроде бы спало и отдыхало, а вот сознание напротив, пыталось побить все мыслимые и немыслимые рекорды в отчаянных попытках проанализировать и систематизировать всю доступную мне информацию.

– Иными словами, – бросил я хрипло, глядя в зеркало над раковиной, – в гробу я видал такой отдых. Можно было и не ложиться вовсе…

Я умылся, материализовал бритву и расчёску, по-быстрому привёл себя в порядок и вернулся в комнату.

Незнакомую, но как две капли воды похожую на мою собственную.

Задёрнутые шторы обеспечивали приятный полумрак, а в ноздри первым делом бил запах приторно-чистого постельного белья. Пустой стол, не менее пустой шкаф, сложенная на стуле форма – я просыпался в чужих комнатах не впервые, но обычно это происходило при куда более приятных обстоятельствах, нежели выселение из своего жилища из-за «криминального» расследования.

«Но если быть честным, то я бы уснул и на подоконнике. И совсем не факт, что меня бы легко там разбудили…» – промелькнула заставившая меня шумно выдохнуть мысль.

Письмо, угроза близким, союз – всё это свалилось на голову на манер снежной лавины, перечеркнув последние надежды на спокойную жизнь в этом мире.

«Отставить, Лександр Лазарь. Могло быть хуже. Всегда может быть хуже».

С такой жизнеутверждающей мыслью я оделся, распахнул шторы и поморщился: утро выдалось пасмурным, идеально подходящим для дознаний, похорон и занятий по истории эрикс-искусств.

Последние ныне не грозили никому из студентов, но вот первые два пункта оставались до омерзения актуальными.

В последний раз окинув себя взглядом, я сверился с часами, – без десяти семь – самое то для того, чтобы нагрянуть на завтрак одним из первых, – и толкнул дверь своей временной комнаты, выйдя в коридор.

Тут было пустовато, но не безлюдно. Вдалеке слышались голоса и хлопали двери, кто-то даже смеялся. Академия уже просыпалась, а лишённые необходимости посещать занятия студенты искали приключений с самого утра.

Но вместо того, чтобы напрямик двинуться на завтрак в центральный зал, я сделал небольшой крюк до по-настоящему моей комнаты – всего два поворота и лестничный пролёт отделяли меня от запечатанной двери, перед которой Имперская Безопасность заботливо натянула алые ленты, выставив постовых из числа охраны Первой Академии.

Бойцы были собранными, но невыспавшимися и пребывающими в том состоянии, когда им уже не было никакого дела до небольших раздражающих факторов…

Например, студентов, толпящихся в коридоре.

«Разумеется, тут соберутся любопытствующие» – в своих мыслях цыкнул я, издалека окинув взглядом могучую кучку из семи человек, тихонько что-то обсуждавших. – «Хотя, почему «что-то»? Судя по их взглядам, обсуждают они вполне конкретный объект интереса. Мою комнату, тобишь».

Так или иначе, но я, вздохнув, двинулся в сторону сплетников, весь обратившись в слух. Потому что с одной стороны подслушивать было, конечно, неправильно, но с другой – я должен был как-то понимать, о чём болтают в академии, когда разговор заходит об одной не в меру выдающейся личности, тело которой я занял.

– Да говорю вам, ночью сюда кто-то пролез, – негромко вещал темноволосый парень с узким лицом и тщательно зализанными волосами. – Не удивлюсь, если девица какая. Лазарь же. А за нарушения комендантского часа его и того…

– И комнату опечатали? – другой парень встрял с каким-то искренним возмущением в голосе. – Как по мне, так там кто-то помер.

– Если бы «кто-то помер», – возразил рослый блондин, держащий руки за спиной, – то тут было бы намного больше людей. Хотя, с другой стороны… этот может всё и замять, тогда и шумихи не будет.

Темноволосый довольно усмехнулся, вцепившись в звучную тему, как клещ в кожу:

– Падший аристократ, пьянки, скандалы, дуэль с принцем. И теракты вокруг Лазаря лезут, как грибы после дождя… Вы-то сами чего ожидали? – самодовольство из него так и пёрло. – Лично я совсем не удивлюсь, если этот пропойца снова что-нибудь натворил. Старые привычки, знаете ли, не исчезают только потому, что у человека вскрылся какой-то невероятный талант…

А я тем временем остановился за их спинами, мягко улыбнулся, кивнув заметившему меня блондинчику, и прокашлялся:

– К сожалению для моих злопыхателей, я ничего не натворил.

Группа замерла как по щелчку пальцев, и даже охранники на секунду, но обратили на нас внимание – до того резкой оказалось изменение царящей в коридоре атмосферы.

Темноволосый обернулся первым, и на краткий миг его лицо приняло какое-то растерянно-обиженное выражение. Словно он действительно не ожидал меня здесь увидеть, и теперь пытался как-то состыковать свои желания с суровой реальностью.

И, к его чести, он смог взять себя в руки. Выпрямился, унял дрожь и даже вернул лицу схлынувшие было краски:

– Господин Лазарь, – произнёс он, запоздало склонив голову. – Не ожидал вас здесь увидеть…

– Понимаю, – я участливо, но насквозь фальшиво улыбнулся. – Я, в общем-то, тоже не ожидал стать свидетелем того, как быстро и, главное, беспричинно зарождаются сплетни. Ваше имя?

– Герман Изенгерд, господин Лазарь, – произнёс парень, нервно сглотнув и всё так же не поднимая взгляда.

«Ожидаемо. Отпрыску фамилии, находящейся вне Первой Сотни, нужно быть совершенно отбитым, чтобы сознательно вызывать на себя гнев вышестоящей аристократии».

Но вслух я всё равно сказал другое.

– Благодарю, господин Изенгерд. А то, знаете ли, память у меня хорошая, но всё же далёкая от совершенства. Но теперь я вас не забуду, уверяю.

Я перевёл взгляд на остальных, пройдясь по ним слева направо и задерживаясь на каждом лице ровно настолько, чтобы они почувствовали себя не просто замеченными, а внесёнными в мою личную «чёрную записную книжку».

Устроить заплыв по течению, рассчитывая на то, что меня просто никто не будет трогать, уже не получилось. Поэтому теперь я решил кардинально сменить тактику, смирившись с тем, что на первых порах придётся пошугать особо наглых детей.

«Ради их же блага, конечно же».

– Господин Лазарь, – новый голос раздался откуда-то сбоку спустя десяток секунд, под самый конец этой молчаливой экзекуции, в которой оступившаяся молодёжь наказывала сама себя.

Я обернулся, встретив взгляд невысокого, скромной комплекции мужчины в чёрной форме службы Имперской Безопасности. Молодой, но с заматеревшим выражением на лице, он остановился в трёх шагах от меня, демонстративно склонив голову.

– Младший инспектор Вайс Ситиз. По распоряжению Его Высочества и Управления, вам под роспись и под вашу личную ответственность передаётся коммуникатор, имеющий доступ к закрытой сети. Но перед этим вам необходимо ознакомиться и подписать соответствующие документы. Прошу, – мужчина уже распахнул поясную сумку, выудив оттуда планшет с бумагами и авторучку.

И всё это богатство незамедлительно перекочевало в мои руки.

Текста тут практически не было, а почти всё пространство на бумагах занимали штампы, имена и должности ответственных, отступы и прочие бюрократические моменты. Поэтому на четыре бумажки у меня и минуты не ушло: по сути своей, от меня требовали держать коммуникатор при себе, никому не давать им пользоваться, не разбирать устройство и всё в таком духе.

«Даже интересно, Александра тоже заставили соблюдать эти формальности, или ему выдали коммуникатор под честное слово?» – я хмыкнул, щёлкнув авторучкой и проставив подписи везде, где требовалось.

– Благодарю, господин Лазарь. Его Высочество также настоятельно просил вас в течение двадцати минут прибыть в холл центрального крыла. Ваш коммуникатор, – инспектор только-только убрал документы в сумку, сразу выудив оттуда и протянув мне продолговатый футляр из тёмного дерева, украшенного металлическими элементами, складывающимися в узнаваемые издали контуры эмблемы Имперской Безопасности.

Я открыл футляр, удостоверился в том, что устройство на месте, после чего закрыл его и сунул подмышку.

– Принято, инспектор Ситиз. Что-то ещё?

– Более ничего. Вас будут ждать – это всё, что мне известно…

– Благодарю, инспектор, – в ответ Вайс ещё раз кивнул, развернулся и ушёл так же быстро, как и появился. Я же покосился на футляр, в котором, если прислушаться к моей паранойе, могло быть что угодно, и отнюдь не один лишь коммуникатор.

«И дело даже не в том, что я не знаю сотрудников имперской безопасности, и не могу сказать, «свой» это или «чужой» доставил мне «подарочек». Банально содержимое нутра коммуникатора может варьироваться от сугубо устройства связи до куда более сложного девайса, обеспечивающего всестороннюю слежку. Остаётся уповать только на уровень развития местных высоких технологий, где даже хороший микрофон – это уже что-то за гранью, а спутников не существует в природе».

Вздохнув, я развернулся, вновь посмотрев на студентов, выражения на лицах которых стали ещё интереснее. Особенно у Германа Изенгерда, сообразившего, что старые привычки старым привычкам рознь, и пьяные выходки «старого» Лекса не имеют ничего общего с «новым» Лексом, которому только что передали «секретное» устройство лично от Управления Имперской Безопасности.

– К сожалению, времени у меня сейчас нет, – сказал я с демонстративным сожалением. – Поэтому, господа, я вынужден вас покинуть. На время. Хорошего дня.

Ответа я дожидаться не стал, двинувшись к выходу из восточного крыла.

И только выйдя на улицу, я подстраховки ради нарастил массу жидкого металла под одеждой, вновь распахнув футляр. Коммуникатор внутри покоился на деревянном ложементе, и представлял из себя нечто сугубо утилитарное, лишённое даже намёка на изящество любых других подобных устройств.

Чёрный металлический корпус, утопленный экран с широкими рамками, физические кнопки на правом ребре, отдельная красная «тревожная кнопка» слева в углу на лицевой стороне и, конечно же, универсальная система креплений на задней крышке.

А ещё тут присутствовала тоненькая инструкция, ознакомиться с которой было делом пары минут: устройство и в программном плане было простым, как топор.

«И большая красная кнопка – действительно тревожная. Стоило сразу подумать о том, что для определения местоположения спутник – вещь необязательная. Мобильной связи должно быть вполне достаточно. Значит, это не только инструмент, но и удобный поводок. Отталкиваться нужно от этого».

Я покрутил устройство в руках, оценив вес, баланс и качество сборки. Металл был самую малость шершавым, кнопки нажимались туго, а на нижней грани коммуникатора обнаружилась выемка, назначение которой вскрылось уже спустя несколько секунд: я включил устройство, полюбовался на заставку с гербом Имперской Безопасности, а после пробежался взглядом по выскочившему уведомлению.

– Биометрия, – я цыкнул. – Ожидаемо, впрочем. Бедные мои пальцы…

Но делать было нечего, и я прижал палец к выемке. Мимолётный укол – и коммуникатор пискнул, просто и без фанфар загрузив основное меню.

Интерфейс изначально не предполагал, что его будут использовать для чего-то, кроме непосредственно связи. Контакты, сообщения, тревожный вызов, журнал и справка. Даже настроек тут не было – коммуникатор «из коробки» уже должен удовлетворить потребности тех, кому его выдают.

Я проверил девственно чистый журнал «звонков», пустые сообщения, справку, содержимое которой спокойно уместилось бы на половинке листа бумаги, и только после этого, не сбавляя шага, перешёл к контактам, ожидая и там увидеть пустые списки, которые потребуется заполнять.

Но ошибся, ведь список не то что не был пустым, но и уже включал в себя всех и каждого, кому, кажется, я вообще мог написать в закрытой сети на территории Первой Академии.

Александр, Виктория, Поук, Фидеас, Рихт – именных контактов было немало. Чуть ниже шли контакты постов охраны в разных частях академии, трое капитанов гвардии с незнакомыми мне позывными, медотряд…

А замыкал список никто иной, как Родерик Лазарь.

Я вскинул бровь, задержав палец над строкой так, словно эта вереница букв без портрета и пояснений могла ответить мне на вопрос о том, откуда он тут вообще взялся. Но, конечно же, изымать данные из ноосферы я пока не научился, и прямо сейчас мог лишь гадать.

Подсуетился ли отец каким-то образом, сам Родерик или Александр таким образом даровал мне первую личную выгоду от заключённого союза – ответ придёт сам, со временем.

Беззвучно вздохнув, я убрал коммуникатор во внутренний карман, миновав очередной пост гвардии, дежурящей у аллеи, плавно перетекающей в площадь перед центральным крылом. Окинул взглядом окрестности, непроизвольно отметив, что «демонстрационной» охраны стало заметно меньше, но одних только людей-в-чёрном я насчитал с пол-десятка, и это за две минуты, потребовавшиеся мне для того, чтобы пересечь площадь и войти в холл центрального крыла.

Что примечательно – безопасники уже даже и не пытались не бросаться в глаза, наконец-то осознав, что это получалось у них из рук вон плохо.

Ну а те немногочисленные студенты, мимо которых я проходил, уже перестали опасаться сотрудников структуры с угрожающей репутацией, и теперь демонстративно, с наигранной тоской вздыхали все, как один.

Впрочем, у меня не было ни времени, ни желания разбираться в причинах такого их поведения, потому как в холле меня уже ждали.

Александр Затворницкий стоял у одной из колонн – на удивление свежо выглядящий, собранный, бодрый, удерживающий на лице свою неизменную улыбку, а в руках – массивный планшет со стопкой документов впридачу.

Но принц, наследник трона Первой Империи и просто гений, стремящийся соответствовать своей репутации и образу, тут был не один.

Рядом с ним стояла Виктория. Бледная, но не менее собранная и безукоризненно выглядящая, она смотрела на окружающих, аки цербер на злостных нарушителей, нелегально пересёкших границу Тартара. Даже переговариваясь с, по меньшей мере, хорошими знакомыми из ближнего круга Его Высочества, брюнетка демонстрировала отчётливо читающееся желание кого-нибудь прибить.

Компанию в этом Виктории составляла высокая девушка лет девятнадцати, облачённая, – именно облачённая, – во вроде бы студенческую униформу, но переделанную настолько сильно, что от изначального варианта практически ничего не осталось.

На её образ работали собранные в хвост на затылке светло-русые волосы, пристальные серые глаза, аккуратный пиджачок, удлинённая юбка и непрозрачные чёрные колготки – полный комплект строгой и сдержанной молодой леди, готовой щедро одарить всех мимопроходящих ледяным презрением.

«Даже удивительно, почему она так непринуждённо болтает с Викторией» – подумал я перед тем, как перевести взгляд на последнего члена этого собрания в миниатюре.

Высокий и крепкий парень мог похвастать военной выправкой, чем-то отдалённо напоминающей таковую у Громова. Был он, правда, старше года на два-три, и даже общие с Димой черты вроде тёмных коротких волос, прямого носа и прямолинейно-напористого взгляда не позволяли сравнивать обоих вояк лоб-в-лоб.

При этом стоял он так, чтобы видеть одновременно вход, Александра, Викторию и «строгую леди», судя по интонациям, за что-то его отчитывающую.

«Малый круг Его Высочества, значит. Или его урезанная ранней побудкой версия».

– Лександр, – Александр первым шагнул мне навстречу, улыбнувшись так, словно не иначе как вчера мы обсуждали не потенциального диверсанта в стенах академии, а благоприятно прошедший бальный вечер. – Рад, что у тебя получилось прибыть так быстро.

– Отказываться от приглашения Его Высочества, переданного через сотрудника Имперской Безопасности – дурной тон, – я одновременно и склонил голову, и позволил себе неформальную ухмылку. – Да и завтрак от нас всё равно никуда не сбежит.

– С этим в Академии как раз могут возникнуть сложности, – тихо заметила Виктория, окинув меня слишком уж пристальным взглядом. – Сегодня многие решили, что ранний подъём гарантирует им лучшие места у столов, и первые – в очереди за порцией свежих слухов…

Я демонстративно развёл руками, и не менее демонстративно выдохнул:

– В таком случае придётся трагически умереть с голоду. Но это бесконечно малая жертва, когда речь заходит о благе Империи…

Александр тихо рассмеялся, и в его глазах проскользнуло мимолётное намерение подтолкнуть разговор в эту, бессмысленную, но не пропитанную проблемами насквозь сторону.

Чего он, впрочем, себе так и не позволил, за считанные секунды вернув себе прежнюю серьёзность. Принц повернулся к стоящим рядом аристократам, чуть склонил голову и элегантным жестом, – словно тут можно было что-то перепутать, – указал на пока что мне незнакомую девушку.

– Леди Катарина Севельская, – представил он «строгую леди». – Если в Академии кто-то с кем-то однажды обменялся хотя бы парой слов, Катарина, скорее всего, знает, кто, где, когда и почему этому поспособствовал.

Девушка склонила голову ровно настолько, насколько этого требовал этикет.

– Господин Лазарь.

– Леди Севельская, – я ответил зеркальным жестом. – Польщён. И слегка обеспокоен.

На удивление, уголок её губ дрогнул – то ли в кругу своих она слишком расслабилась, то ли в принципе её строгая маска была ещё слишком свежа, чтобы наглухо отпечататься на лице.

– Это обоснованно, господин Лазарь.

«С этим можно работать. Осталось лишь, чтобы её профессиональные навыки соответствовали манере держаться».

– КонстантинОрлов-Рейнхард, – продолжил тем временем Александр, представляя парня. – Прекрасно разбирается во всём, что связано с военным направлением и фамилиями, к нему относящимися. Вдобавок ко всему, умеет находить или создавать дыры там, где остальные видят сплошь монолитные стены…

– Господин Лазарь, – Константин скупо склонил голову.

– Господин Орлов-Рейнхард, – и я ответил ему тем же.

– И, наконец, – Александр чуть сместился, встав рядом со мной, – Лександр Лазарь. Наш новый союзник. И человек, о непредсказуемых, рискованных, но действенных решениях которого вы все уже слышали не единожды.

Виктория фыркнула, отчасти напомнив этим Эльзу. Катарина не повела и бровью, открыто демонстрируя, что формальности ей интересны постольку-поскольку. Константин же просто обозначил всё тем же скупым кивком тот факт, что он всё услышал, и ничего не пропустил мимо ушей.

Я выждал пару секунд, после чего сложил руки за спиной:

– Что ж… Мне ведь было любопытно, какими лестными эпитетами ты меня представишь. А получилось так, что я выгляжу этаким хаотичным авантюристом…

– Разве это не так? – невинно поинтересовался Александр, скрестив руки на груди.

– Скорее, «человек, склонный к нестандартным решениям в условиях дефицита времени и информации», – ответил я после короткой паузы. – Звучит куда солиднее. Особенно на бумаге.

– Я запомню, – Его Высочество улыбнулся, но почти сразу перевёл взгляд на лестницу, ведущую на верхние этажи. – Идёмте. У нас мало времени, а вопросов, как обычно, кратно больше, нежели ответов.

– Это уже начинает становиться традицией, – тихо буркнула Виктория, пристроившись следом за принцем.

– Традиции объединяют, – заметил я, шагнув следом.

– Некоторые традиции лучше обмотать цепями и утопить в болоте, – недовольно прошептала она себе под нос так, чтобы мы все её прекрасно услышали.

Спустя несколько минут мы уже поднялись на третий этаж, удалившись в самую глубь административной зоны центрального крыла. Тут было на удивление пусто: ни гвардейцев, ни охраны, ни персонала академии по пути я не увидел.

Только у двери, к которой мы направлялись, имелся пост, но не более того.

Кабинет, в котором мы по итогу оказались, тоже не мог похвастать чем-то уникальным. Самая обычная аудитория на три десятка студентов. Столы, кафедра, доска и безликий куб припорошенного пылью монитора.

«Разве что окно выходит на внутренний дворик, но вряд ли это место выбрали из-за возможности созерцать три стены и сад с прудом…».

Александр к этому моменту уже успел проследовать к кафедре, встав за ней и избавившись от планшета и бумаг, занимавших его руки. Он обвёл нас взглядом, дождался, пока все рассядутся по свободным местам, после чего хлопнул в ладоши:

– Господа, леди, – мимолётным движением, призванным лишь обозначить воздействие техники, принц запер дверь. – Официально здесь и сейчас мы знакомимся с уже имеющимися материалами, чтобы понять, насколько принятые меры соответствуют реальной угрозе…

– А неофициально? – уточнил я, убедившись в том, что остальные молчат не потому, что ждут продолжения.

– А неофициально мы должны освоить пресловутые материалы и поискать промахи в выводах, сделанных аналитиками и офицерами Имперской Безопасности, курирующими

работу, – пояснил Александр, выудив из стопки бумаг пять одинаковых пакетов документов. – Я сам ещё со всем не ознакомился, отчёты пришли утром, но именно поэтому мне и нужен мозговой штурм, а не торжественное прочтение готовых выводов…

– Тогда приступаем, – Катарина первой приняла из рук спустившегося с кафедры принца документы. – Время дорого.

– И то верно, – Константин тяжко вздохнул, но возражать не стал.

Мне оставалось последовать их примеру, погрузившись в чтение добротно составленных отчётов, которые оформлялись так, чтобы на их изучение ушло как можно меньше времени. На прочтение бумаг у нас ушла половина часа, и ещё час мы разбирали прочитанное, отмечая «тонкие места» и формулируя уточняющие вопросы.

Постепенно на столы легли схемы мужского и женского общежитий, быстро заполняющиеся разного рода пометками, позволяющими всё визуализировать. Затем поверх всего этого безобразия Катарина добавила имена оказавшихся под подозрением студентов, а Константин дополнил списки теми, кого он сам по объективным причинам считал подозрительными: в отличие от меня, они возились в этом болотце с самого начала, и уже успели накопить какой-никакой, а материал.

И по итогу картина стала предельно ясной, и касалась эта ясность лишь того, что ясного в ней не было совершеннейшим счётом ничего.

– Преподавательский состав? – спросил я, в очередной раз пробежавшись глазами по двенадцатой странице отчёта.

– Почти исключены, – отозвался Константин, не поднимая головы. – Не полностью, разумеется. Но после инцидента с Лидали под контроль взяли каждого сотрудника академии, от уборщиков до сотрудников ректората. Незаметно и столь изящно провернуть то, что было сделано… это почти невозможно.

– «Почти» – слово, из-за которого обычно случается всё самое нехорошее, – задумчиво заметил я, отложив один лист и взяв другой.

– Именно поэтому версия и не закрыта окончательно, – невозмутимо ответил Орлов-Рейнхард. – Но приоритет её, сам понимаешь, невелик.

– А охрану проверили уже трижды, – я потёр переносицу, уже не беспокоясь о том, насколько не свойственен этот жест людям, не носящим очки. – Остаются студенты.

– И с ними, – Катарина выудила из груды бумаг списки, водрузив их сверху, – всё куда интереснее.

– Ну и сложнее, конечно, – Виктория пожала плечами. – Их много, и на них никто не обращает внимания потому, что они там, где им и положено быть.

– Всё было бы намного проще, будь комендантский час несколько более комендантским, – Константин поморщился. – А у нас получается так, что добрая половина студентов свободно шатается по общежитиям до утра, «потому что не запрещено». И к каждому надзирателя не поставишь, по массе причин.

– При этом комната студентки Фольт находилась, вероятно, в общем доступе, – подхватила Катарина, озвучивая то, что каждый из нас прочёл не по одному разу. – Общая дверь блока «наверное» была заперта, а вот её личная комната – нет. Типично плебейское стремление доверять ближнему своему теперь значительно всё усложняет. Это попросту пугающая неосторожность для особы, связанной с вами, – продолжила она. – И я не вкладываю в этот тезис ничего дурного. Просто факт остаётся фактом: у вас есть недоброжелатели, ваша прежняя репутация оставляла желать лучшего, а нынешняя привлекает очень много внимания. Любой, кто находится подле вас, должен понимать, что может стать мишенью.

– Это поразительно беспечно, – Виктория покачала головой, выразив тем самым солидарность со словами «строгой леди».

Я же мысленно поморщился, но внешне остался совершенно невозмутимым:

– Вы правы, – я кивнул, на периферии сознания отметив, что обе девушки удивились. Очевидно, что они ожидали какого-то отпора, намереваясь, возможно, через незначительный конфликт узнать обо мне чуть больше. Но, как говаривал один мой наставник – «не судьба». – И правы всецело. Но с её беспечностью, я полагаю, покончено – после такого она, как и любой другой адекватный человек, разве что колючей проволокой двери обтягивать не будет, покидая комнату. Поэтому нас должна интересовать не беспечность простолюдинки, а те, кто мог этой беспечностью воспользоваться.

– Разумно, – тихо произнесла Катарина спустя несколько секунд.

– И всё же, это – былое, – вставил Александр, моментально приковав к себе внимание. – Комната студентки Фольт уже проверена. Как и комната Лександра, да и многих других студентов, поведение которых вызвало хотя бы малейшие вопросы. Новых зацепок нам это не дало. Кто проник в комнаты, как – неизвестно. Но для того, чтобы это не повторилось, в женском общежитии будет размещён «компромиссный» контингент женщин-армейцев. Расширенные патрульные группы, дополнительные постовые, досмотры, внутренний контроль…

– Из-за меня? – резко спросила Виктория, лицо которой приобрело выражение оскорблённой невинности.

– Не только, – уклончиво ответил Александр. – Девушки сейчас – самые уязвимые цели в Академии, а враг уже продемонстрировал готовность использовать любые возможности навредить Империи. И даже если сейчас угроза направлена лишь на людей из окружения Лександра, то женское общежитие всё равно остаётся одним из основных направлений, требующих защиты.

– Я поддерживаю, – Константин откинулся на спинку стула. – Решение это запоздалое, но необходимое. Общежития студентов в принципе защищены из расчёта на нарушение дисциплины, а не для противодействия диверсантам.

– Недовольные будут, – тихо вторила «коллеге» Катарина, – но меньше, чем если на территории Академии погибнет кто-нибудь ещё.

Я поджал губы, размышляя. Всё это выглядело целесообразно и логично. Мало охраны – ввести больше охраны. Аристократки возмущаются и не хотят находиться вблизи «боевитых мужланов»? Привлечь женщин-военных. Но вот обстоятельства…

– Поспешное привлечение дополнительных сил закрывает одну дыру, но открывает другую, – я поймал взгляд принца. – Чем больше людей в спешке доставляется в академию, тем выше шанс, что вместе с ними войдёт тот, кого мы сами потом будем искать, Александр.

Константин нахмурился:

– Контингент проверен. Это военные с солидным послужным списком…

– Лидали тоже когда-то проверяли, допустив учить цвет Империи, – заметил я. – И речь даже не о том, что среди женщин-армейцев обязательно окажется предатель. Речь о почерке. Лидали получил информацию не потому, что был выдающимся мастером проникновения и шпионажа. Он нашёл уязвимость в человеке. В женщине, если конкретнее говорить. Но если Лидали лишь исполнитель, а не автор метода, то подобный ход может повториться. В другой обёртке, конечно, но тем не менее.

Напряжённая тишина провисела с десяток секунд. Все обдумывали мною сказанное, и становились тем мрачнее, чем дальше заходили эти размышления.

– Я передам эти сведения Имперской Безопасности, – наконец сказал Александр, шумно выдохнув. – И проконтролирую, чтобы их взяли в работу. Танцевать на одних и тех же граблях для людей нашего положения – моветон.

– К слову, – я чуть наклонил голову, – как продвигается работа с Лидали? Я, конечно, строю предположения… но почти вслепую, потому что о многом просто не знаю.

– Там всё плохо, Лександр, – вместо Его Высочества ответил Константин. – До поры он говорил, но быстро перестал отвечать по существу. Сейчас повторяет одно и то же. Одни и те

же фразы, одни и те же объяснения, одни и те же бессвязные оправдания. Врачи бодаются с дознавателями, дознаватели – с врачами, но результата нет.

– Действительно плохо, – согласно кивнул я. – Но хоть что-то же от него удалось узнать? Хотя бы о том, есть ли над ним координатор, и насколько глубоко он контролировал внедрение?..

– Саша, – вдруг подала голос Виктория тоном, заставившим всех нас синхронно обернуться. – Мы взяли в качестве основной версии студента и студентку. Или сотрудника и сотрудницу, диверсанта и диверсантку. Двух людей, потому что нужно было попасть и в мужское, и в женское общежитие. При условии, что это не профессионал экстра-класса, конечно… Но что, если это одна и та же леди?

Я приподнял бровь, и то же самое сделал Александр. Только он ещё и подался вперёд прежде, чем Виктория продолжила:

– Девушек в мужское общежитие ведь пропускают. Не ночью, разумеется, но в коридоры к кому-то из знакомых, с запиской, просьбой, под предлогом разговора, просто за красивые глазки. Так исторически сложилось. Ну а в женском общежитии любая студентка в принципе не вызовет подозрений, потому что все девушки там и живут.

Пауза вышла достаточно длинной для того, чтобы я успел в мыслях признать ценность сделанного брюнеткой вывода. Мы все тут подсознательно приняли за константу тот факт, что в мужском общежитии – только парни, а в женском – только девушки.

Но ведь в реальности это было не так, и комендант мужского общежития спокойно пропускал внутрь девушек.

– Девушек, замеченных в мужском общежитии за последние двое суток, выявить будет значительно проще, – Катарина моментально вооружилась стопкой списков. – Все входящие и выходящие в любом случае проходили мимо постовых. И если юноши там живут, и спросить с них нечего, то девушки… у каждой должна быть веская причина туда наведаться. И объёмы материала для проработки будут не столь велики.

Александр выслушал помощницу, после чего поднялся:

– На этом и остановимся.

– Но, – Виктория резко повернулась к нему.

– Именно поэтому и остановимся, Вика, – мягко, но твёрдо перебил родственницу он. – Имперская Безопасность должна узнать об этой версии как можно быстрее. Доверимся профессионалам в том, что касается реализации задуманного. Своё дело мы уже сделали – взглянули на проблему под иным углом.

Виктория поджала губы, но не стала возражать. Лишь сложила руки под грудью, да вздёрнула носик, демонстративно отвернувшись.

– И я благодарю всех здесь собравшихся, – продолжил принц, собирая документы в неровные стопки. – Наш мозговой штурм принёс неожиданный результат. Катарина, неофициально и без лишнего шума составь список девушек, замеченных в мужском крыле. После передадим ИБ, для сравнения. Константин, с тебя – неофициально опросить знакомых, по той же теме. Виктория…

– Я не маленькая девочка, которую нужно запереть в комнате, – холодно произнесла брюнетка, заметив во взгляде Александра что-то, что ей категорически не понравилось.

Принц едва заметно задержался с ответом:

– Я хотел попросить тебя вспомнить всех, кто за последние дни неожиданно начал проявлять к тебе чрезмерный интерес, – спокойно ответил он. – Это важно.

Виктория замерла, кивнула.

– Хорошо, Саша.

А Александр тем временем уже перевёл взгляд на меня:

– И отдельная благодарность тебе, Лександр. Ты привнёс то, чего нам недоставало, – он встал, сложив руки за спиной. Я последовал его примеру. – Твой коммуникатор уже активирован?

– Да. И даже не взорвался при первом включении, что я счёл добрым знаком…

Принц усмехнулся.

– Постарайся держать его при себе. Если что-то заметишь, вспомнишь или до чего-то дойдёшь – незамедлительно выходи на связь. Не жди формального приглашения на очередную встречу.

– Принято, – я коротко кивнул.

– И, Лександр… – Александр на мгновение задержал взгляд на моём лице. – Не пытайся действовать в одиночку. Чует моё сердце, что свой лимит удачи на ближайшее время ты уже исчерпал, и в следующий раз тебе может не повезти пережить подобное столкновение. Особенно если враг умудрится начать на тебя целенаправленную охоту.

– Я похож на человека, склонного к настолько рискованным и непредсказуемым решениям?..

Виктория выразительно посмотрела на меня, тяжело и демонстративно вздохнув. Катарина тихонько прокашлялась, а Константин впервые с момента нашей встречи улыбнулся.

– Очень, Лександр. Но я надеюсь на твоё благоразумие…

Если опустить формальные расшаркивания, то на том мы и разошлись. Александр двинулся по своим делам, его свита – по своим, а я, проводив их взглядом, направился в центральный обеденный зал, надеясь на то, что там ещё есть, чем поживиться.

«Но подарки от власть имущих редко бывают бесплатными. Даже если даритель искренне желает тебе добра. Или… особенно если желает?».

День только начинался, и что-то мне подсказывало, что закончится он не так, как я сам того бы хотел.

Глава 3. Тесный-тесный круг. Часть 1.

До центрального обеденного зала я добрался, уже не питая надежд застать там кого-нибудь из нашей компании.

Во-первых, завтрак давно завершился, и к нынешнему моменту единственным, что ещё должны были подавать на стол, оставалась выпечка. А во-вторых, временный регламент, утверждённый администрацией ради безопасности, не позволял задерживаться в обеденном зале и столовых при общежитиях дольше, чем на час, и правила эти должны были уже вступить в силу.

Так что даже если бы мои друзья захотели подождать меня пару-тройку часов за накрытым столом, сделать это им бы просто не позволили.

Сам центральный зал встретил меня блеклым подобием той суеты, которая обычно царила тут утром. Большинство столов пустовало, а за оставшимися сидели немногочисленные студенты-одиночки, в исключительных случаях собирающиеся по двое-трое.

На стойках вдоль периметра зала разного рода выпечка присутствовала в изобилии, а среди всего этого великолепия сновали слуги, неторопливо убирающиеся и наводящие марафет среди и без того безупречно расставленных блюд, чаш и подносов.

И делали они это с профессиональным равнодушием, разительно контрастирующим с эмоциональным настроем студентов.

«Словно для них всё происходящее не более, чем ещё одна разновидность непогоды. И в чём-то они даже правы: что может сделать простой повар или сотрудник зала? Только ждать, пока над головой распогодится…».

Я мысленно цыкнул, пройдясь по залу взглядом и не обнаружив ни рыжей макушки Эльзы, ни кого-либо из остальных. За одним из столов как раз начинала собираться крупная группа простолюдинов, включая подруг Алисии.

Но её самой среди них я не видел.

С учётом всех обстоятельств это было одновременно ожидаемо и неприятно: вероятнее всего, девушку проверяли, или уже проверили и велели сидеть в комнате.

«Ну или так совпало, что Алисия отделилась от подруг. Маловероятно, но возможно даже в такой ситуации» – промелькнула мысль перед тем, как я поймал взгляд одного из слуг – мужчины лет сорока.

Он стоял и наблюдал за студентами с таким выражением лица, словно даже в случае повторного теракта в непосредственной близости от центрального крыла ему ничего не помешает подобрать выпечку для оголодавшего молодого организма, не просыпав при этом ни крошки.

И именно к нему я и обратился:

– У вас найдётся что-нибудь, во что можно сложить еду с собой? – спросил я, кивнув на подносы с разного рода булочками, пирожками и им подобными изделиями. – Желательно такое, чтобы выдержало хотя бы пару часов в движении, и не развалилось, едва я переступлю порог зала.

– Разумеется, господин, – слуга ответил секунда-в-секунду, поклонившись, извинившись и скрывшись за одной из боковых служебных дверей. Вернулся он спустя полминуты с большим пакетом из плотной бумаги, напомнившем мне о таком явлении, как общепит с едой навынос.

В этом мире я ничего подобного, стоило отметить, пока не встречал, и этот вопрос тоже можно было обдумать на предмет получения дохода.

– Подойдёт, господин?

– Идеально, – мне даже не пришлось кривить душой. – Теперь голодная смерть мне не страшна…

Мужчина чуть улыбнулся, поклонился и вернулся на свой, по всей видимости, пост, в то время как я принялся наполнять пакет всем, на что падал взгляд, и что не требовало ножей, вилок, тарелок и прочей посуды.

Булочки с сыром, пироги с мясом, сочни, сдоба – бумажный пакет оказался достаточно вместительным, чтобы я на краткий миг задумался о том, что, вероятно, эти запасы из уважения к еде придётся подъедать до следующего дня. Но остановило ли это меня от того, чтобы наполнить его до самого горлышка?

Конечно же нет.

– Благодарю за службу, – я кивнул мужчине, придерживая пакет за донышко. Килограмма четыре выпечки я в него утрамбовал – более, чем достаточно для нескольких человек.

– Хорошего вам дня, господин Лазарь, – я задержал взгляд на узнавшем меня мужчине, не изменившись в лице ни на йоту.

Мельком оглядел его с головы до пят, но ничего подозрительного не заметил. Паранойя тоже молчала, намекая на то, что меня этот человек знает по легко объяснимым причинам: имя Лександра Лазаря на слуху в последнее время, особенно в черте Первой Академии.

– Мы оба понимаем, что хороший день ныне маловероятен, – вздохнул я. – Но спасибо.

Я развернулся и двинулся к выходу из зала, остановившись у одной из развилок в коридоре. Не просто так: несложно оказалось заметить, как от той группки простолюдинов отделилось несколько хорошо мне знакомых силуэтов, целью которых, очевидно, являлся именно я.

– Господин Лазарь… – первой меня нагнала Тереза, напряжённая и нервная. Следом за ней двигался Венсан Готье, на фоне подруги кажущийся собранным и серьёзным.

– Тереза, Готье, – я кивнул им в меру вежливо, учитывая разницу статусов. – Что-то случилось?

– Вы не знаете, как там Алисия? – выпалила Тереза, поджав губы и задрав голову.

Я огляделся. Вокруг никого, кроме двойки охранников на посту, не было, да и те стояли достаточно далеко от нас, чтобы ничего не слышать.

– Мне сообщили, что она в безопасности, – ответил я, выдержав короткую паузу. – Больше, к сожалению, сказать не могу.

Тереза замешкалась на пару секунд, кивнула, но заговорить не успела – её опередил Готье:

– Её недавно забрали гвардейцы. Вместе с соседками по блоку, насколько нам известно. Сказали, что это проверка, и ничего такого не произошло, но… сами понимаете, господин Лазарь.

– Прекрасно понимаю, – ответил я, вздохнув.

«И что самое неприятное – действительно понимаю. Это утро для Алисии наверняка стало продолжением недавнего кошмара… который, смею надеяться, вскоре закончится. Потому что в противном случае правда полезет наружу, и её пребывание в академии станет попросту невозможным. Пока Имперская Безопасность умудряется скрывать детали, но со временем аристократия начнёт требовать ответы. Проклятье…».

– Если увидите её раньше меня, – произнёс я, тщательно взвешивая каждое слово, – передайте, что меня обычно можно найти или в библиотеке, или на площади перед центральным крылом. И, надеюсь, вы все продолжаете практиковаться?

– Естественно, – Готье улыбнулся, кивнув. – После того случая я не прохлаждаюсь. Да и остальные тоже. Всё равно пока нам нечем заняться, а тратить время зря…

– Похвальное рвение, – я перехватил пакет поудобнее. – Только без геройства, Готье. Практика – это замечательно, но попытки самостоятельно повторить то, о чём вы пока имеете лишь самое отдалённое представление – верный путь в госпиталь. Или в морг, если совсем не повезёт.

Тереза от такого прогноза поморщилась, но спорить не стала. Готье же и глазом не моргнул – лишь кивнул, будто я всего лишь озвучил нечто, что он ожидал услышать уже давно.

И это, как ни крути, было хорошим признаком.

– Мы не импровизируем, господин Лазарь, – произнёс парень, чуть улыбнувшись. – Стабильность, скорость и простые формы. Всё так, как вы и говорили.

– Вот и славно, – я покивал довольно. – Остальные с вами?

– Да, – Тереза мельком обернулась на двери, ведущие в обеденный зал. – Лин и Гидеон тоже. Мы собирались идти в библиотеку. Или один из залов для практики, если они сейчас работают. Хотя, вроде бы, кого-то действительно пускают…

– Как повезёт, – Готье фыркнул. – Ты же знаешь, как тут всё устроено. Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку.

От меня не ускользнуло то, что в его словах мелькнула не обида, а устоявшаяся привычка к тому, что при формально равном с аристократами статусе студентов для простолюдинов открыта лишь малая часть существующих дверей. Клубы, личное наставничество, внеурочный доступ к кабинетам и учителям – мы ещё и месяца не провели в Первой Академии, а все подводные камни уже вылезли наружу.

– В таком случае библиотека, – я выдержал небольшую паузу, взвесив все «за» и «против». – Самостоятельно собираться я вам не советую – сейчас такое время, что без присмотра преподавателя или кого-то из сотрудников академии это вызовет вопросы. Даже если перед вами потом извинятся за беспокойство, потраченные на разбирательства часы это уж точно не вернёт…

– Если аристократы собираются тренироваться, то это ответственная инициатива, – Тереза покивала, странно и с непонятным выражением улыбнувшись. – А если мы, то получится подозрительное нежелательное сборище. Но, господин Лександр, нам бы очень не помешала практика…

Я развёл свободной рукой, снова оглядевшись и убедившись в том, что лишних ушей в округе не прибавилось:

– По меньшей мере в ближайшее время у меня совсем нет свободного времени, Тереза. Я бы и рад с вами позаниматься – мне это, в конце концов, нравится, но обстоятельства вынуждают поступаться своими хотелками в пользу других обязанностей, – я поймал взгляд Готье. – Можете попробовать найти леди Сориар, и, по крайней мере, попросить её посмотреть, что можно сделать с залом для практики. У неё такие вопросы решать получается намного лучше, чем у меня. Но я бы на многое всё равно не рассчитывал…

Готье усмехнулся беззвучно, а Тереза убрала руки за спину, перекатившись с пятки на носок и обратно. Можно сказать, они изящно дали мне понять, что на помощь Белль они тоже особо не надеются.

– А вы сами куда? – спросил Венсан, кивнув на пакет. – С такими запасами можно держать осаду, а не… заниматься делами.

Фразу он завершил после небольшой заминки, с трудом подобрав подходящие, по его мнению, слова.

– Учитывая обстановку в академии, одно другое не исключает, – хмыкнул я. – Собирался найти своих и закормить так, чтобы они от меня уже не убежали. К слову, может, вы видели Громовых, Шталей или остальных?..

Белль и Мариэллу я причислять в список «своих» вот так сходу не стал, потому как их принадлежность к нашему кругу всё ещё оставалась под вопросом.

Слишком много событий в последние дни происходило не по моей воле, и подобающим образом разобраться в мотивации девушек, – слепо считать, что они просто влюбились в Диму и Виктора, я не собирался, – я банально не успевал. Люди мистическим образом вклинивались

в мой «ближний круг», обстоятельства вязали из нас узлы, а я постфактум обнаруживал, что кто-то новый сидит за общим столом и ждёт от окружающих той или иной степени доверия.

«В академии, наполненной террористами, диверсантами и предателями, радеющими за благо соседних государств. Идеальное пространство для построения крепкой дружбы, не иначе».

– Видели, – тем временем отозвалась Тереза. – Госпожа Эльза, кажется, была с господином Громовым и его сестрой у доски объявлений в западной галерее центрального крыла. Там расписание вывесили. Дополнительные занятия, правила, обязательства студентов и всё такое…

– Когда? – я чуть вскинул бровь, не став уточнять, что именно – «когда».

– Вывесили утром, а видели мы их с полчаса назад, – прикинул Готье. – Может, чуть больше. Они ждали кого-то, насколько я могу судить…

Я кивнул:

– Спасибо, Венсан, Тереза. И… – я поймал взгляд девушки, которая хотела, но никак не решалась спросить что-то ещё. – Тереза, спрашивай уже.

– Господин Лазарь, – Тереза поджала губы. – С Алисией ведь правда всё будет в порядке?

Я на долю мгновения замер, переваривая этот детский по сути своей вопрос.

Детский потому, что взрослый человек, хоть немного знакомый с тем, как устроен мир, никогда не спросил бы ничего подобного, если рассчитывал получить честный и правдивый ответ. Отсутствие конкретики и обобщённое «всё хорошо или будет хорошо» – сказки, которыми приличные люди пичкают своих детей, больных или, в исключительных случаях, самих себя в особо тяжёлые дни.

Но Тереза смотрела серьёзно, и Готье вторил ей точно там же собранным взглядом, ободряюще положив широкую ладонь на спину девушки.

«Сколь много чудных и не очень открытий вас ждёт, конечно. Но не сегодня».

– Я сделаю всё, что смогу, чтобы с Алисией всё было в порядке, – произнёс я ровно. – Но сейчас вам обоим нужно думать о себе в первую очередь. Будьте осторожны, не ходите поодиночке и не геройствуйте. Если кто-то начнёт задавать странные вопросы, проявлять несвойственный ему интерес или предлагать что-то сомнительное – не тяните. Сообщайте охране, преподавателям или мне.

– Вам? – переспросил Готье, вскинув бровь.

– Верно, – я кивнул. – Только не превращайте это в привычку бегать ко мне при каждом удобном случае. Я, конечно, выдающийся человек, но даже моё самомнение пока не позволяет мне заместить собой всю Имперскую Безопасность и часть Имперской Канцелярии впридачу.

– Пока? – бросила Тереза рефлекторно, не сдержавшись.

– Пока. Я усердно над этим работаю, но прогресс невелик, – я с сожалением покачал головой, про себя отметив, что и Готье наконец улыбнулся, и Тереза стала чуть менее напряжённой, чем на протяжении всего нашего разговора.

– Мы поняли, господин Лазарь. И передадим остальным.

– Замечательно. Можете идти, – я с запозданием поймал себя на том, что отправил их прочь с привычной не Лександру Лазарю, но Альтаиру естественностью.

Но переигрывать не стал, потому как «детишки» восприняли это указание так, словно это являлось чем-то совершенно обыденным.

«Наставник – это не профессия, а диагноз. Даже тогда, когда, казалось бы, стоит всерьёз заняться чем-то совершенно другим...».

Проводив взглядом простолюдинов вплоть до того момента, как они скрылись за дверью центрального обеденного зала, я ещё несколько секунд постоял на месте, перебирая собственные мысли.

Они, к сожалению, не несли в себе ничего приятного и перекликались со всем тем, что я успел обдумать неоднократно. Поэтому я отмёл всё лишнее, сосредоточившись на основной задаче – поиску друзей и доставке им четырёх килограмм выпечки всех сортов и расцветок.

Вновь перехватив пакет поудобнее, я двинулся в сторону западной галереи, по пути совершив парочку неожиданных открытий.

Во-первых, регламент перемещений действительно начал работать: на каждой ключевой «развязке» центрального крыла обнаруживался если не полноценный пост, то хотя бы пара охранников, выборочно опрашивающих мимопроходящих студентов на предмет того, куда именно те направляются.

Во-вторых, студентов это раздражало. Не настолько, чтобы кто-то возмущался вслух или тем более спорил с вооружёнными людьми, но достаточно, чтобы поднять уровень недовольства юных аристократов на новый уровень: привыкшие к определённым свободам, юноши и девушки крайне негативно относились ко всему, эти свободы попирающему.

Ну а в-третьих, меня везде пропускали почти без вопросов, что, конечно же, не могло не настораживать – как-то очень уж быстро Александр довёл до сведения всех причастных информацию о моём новом статусе.

– Западная галерея, – сообщил я очередному постовому, едва тот повернул ко мне голову.

Мужчина в униформе охраны Первой Академии перевёл взгляд с объёмного пакета в моих руках на моё же лицо. На мгновение он задумался, словно решая, не стоит ли проявить излишнее служебное рвение, но здравый смысл победил и в этот раз.

– Проходите, господин Лазарь.

Ни слова про выпечку, а узнал он меня сходу.

Западная галерея за сутки ничуть не изменилась: очень много необработанного камня, создающего особенную атмосферу старины, и запах свежей типографской краски, волнами расходящийся от посвежевших досок с объявлениями.

У последних дежурили сотрудники академии, один из которых, судя по его виду, раз так в двадцатый доходчиво разжёвывал студентам, что, как и почему, пока второй размещал на доске новые бумаги взамен старых – некоторые листки специально крепились с расчётом на то, что студенты будут брать копии и распространять среди не столь охочих до свежих новостей соучеников.

И макушку Эльзы я увидел в первую же секунду, незамедлительно двинувшись прямиком к друзьям…

Глава 4. Тесный-тесный круг. Часть 2.

И макушку Эльзы я увидел в первую же секунду, незамедлительно двинувшись прямиком к друзьям.

Дмитрий стоял чуть в стороне от основной толпы, изучая лист, уже успевший обзавестись рядом видимых издалека пометок – тёмно-синие росчерки ручки на фоне серого печатного текста выделялись отчётливо. Рядом с ним Лиза всматривалась в расписание на доске так, словно пыталась взглядом подвинуть ячейки в таблицах так, как ей того хотелось. Эльза держалась рядом с ними, сложив руки под грудью и выглядя до неприличия спокойной для человека, услышавшего хотя бы малую часть утренних слухов.

Виктор с Мариэллой обнаружился на диванчике у стены: он с донельзя серьёзным видом что-то объяснял девушке, жестикулируя так активно, словно на кону был поход в конюшню. Леди Озмунд слушала, не перебивая, но по выражению её лица было ясно, что весь этот монолог должен был повлиять на её планы так же, как полёт комара – на расписание рейсов пассажирского цеппелина.

Белль видно не было, но меня это не то, чтобы сильно удивило. Всё-таки у девушки не могло не быть своих интересов, подруг, друзей и тех же вассалов, а то, что она какое-то время разве что не ночевала рядом с Громовым – скорее исключение из правил, чем наоборот.

– Лекс! – Элизабет Громова заметила меня первой, развернувшись всем корпусом и окинув меня взглядом. Её взгляд остановился на пакете, который в паре мест уже пропитался жиром, и покрылся тёмными пятнами. – Скажи, что это еда.

– Это еда, – послушно сказал я, чуть улыбнувшись.

– Хороший ты человек, Лекс, – пакет был реквизирован у меня быстрее, чем я успел повторно открыть рот. – Мудрый, предусмотрительный… и почти святой.

– Почти? – Эльза поравнялась с подругой и поймала мой взгляд. Я коротко кивнул: всё в порядке, мол.

– Святые, – Лиза прищурилась, выудив из пакета пирожок, – не опаздывают к завтраку на два с половиной часа.

– У тебя очень строгие критерии святости, – я покивал деловито, пожав руку шагнувшего мне навстречу Димы. – Как вы тут?

– С переменным успехом, – Громов пожал плечами, крепко сжав мою ладонь. – Сначала ждали тебя, потом ждали новое расписание, потом пытались разобраться с тем, что к чему… В общем, насыщенным вышло утро, Лекс.

– А ещё лично я уже успела оголодать. Вместо обеда сойдёт, – Лиза оставалась верна своей прямолинейности.

– Не благодари, – я хмыкнул, чуть улыбнувшись. – Просто помни, кто спас тебя от голодной смерти в столь тяжёлый для Империи час.

– Запомню, – Элизабет чопорно и торжественно кивнула. – И когда-нибудь расскажу об этом детям Димы.

– Почему это моим? – отозвался брюнет совершенно несерьёзным голосом.

– Потому что ты, Дима, продвигаешься в этом направлении с успехом куда большим, – заявила Лиза, широко улыбнувшись.

Я же в этот момент уже смотрел на Эльзу, которая глядела на меня так, что любой человек с зачатками инстинкта самосохранения понял бы, что у неё имелись вопросы. Много вопросов. И отложены они были до момента, когда вокруг перестанут сновать лишние уши и глаза, обладатели которых старательно делали вид, что им совсем не интересно, о чём это там разговаривают Лександр Лазарь с Громовыми и компанией.

– Ты в порядке? – тихо спросила Эльза, остановившись в полушаге. – Выглядишь как обычно, но это-то и странно…

– Смотря что именно считать порядком, – я ответил ей в тон, не став отводить взгляд. – Если наличие всех конечностей, ясного сознания и умеренного желания уйти жить в горы, то да, я в полном порядке…

– Пф-ф, – Эльза фыркнула, – плохой ответ.

– Зато честный…

Эльза прищурилась:

– Не настолько честный, насколько мне бы хотелось, Лекс.

«И вот мы плавно перешли к главному. Вращаться в кругу умных людей, с одной стороны, хорошо – они умные. А с другой – плохо, потому что… да, потому что они умные даже тогда, когда хочется обратного».

Я качнул головой в сторону, туда, где толпилось больше всего студентов.

– Не здесь и не сейчас, Эльза.

Девушка помолчала недолго, после чего демонстративно вздохнула, сократив дистанцию и мягко вцепившись в моё предплечье.

– Хорошо. Но «не здесь» – это лишь отсрочка, хорошо?

– Даже не надеялся скрывать от тебя то, о чём могу рассказать, – я улыбнулся, наконец вновь развернувшись к друзьям. Но теперь уже с Эльзой под руку, которая явно не собиралась ввиду недавних событий зажиматься и дистанцироваться.

– Вы закончили шептаться и обмениваться многозначительными взглядами? – Лиза чуть наклонила голову, удерживая в руках румяную, надкушенную булочку. – Или нам всем нужно сделать вид, что мы ничего не заметили?

– Сделайте, – невозмутимо кивнула Эльза, в глазах которой при взгляде на подругу заплясали бесята. – В общем-то, даже комментировать было необязательно…

– Поздно, дорогая кузина, – Виктор успел подняться с диванчика, и вместе с Мариэллой переместиться ко всем нам поближе. – Я заметил, а Элизабет озвучила, сняв тем самым негласное табу. Ну а если я что-то заметил, то это что-то автоматически превращается в почти общеизвестный факт. Осталось только придумать достаточно красивую и звучную версию, которая перекроет любые посторонние слухи своей экстравагантностью…

– Виктор, – тихо, но твёрдо, с отчётливо прозвучавшим укором, бросила Мариэлла.

И, к моему вящему удивлению, этого оказалось достаточно…

Достаточно для того, чтобы Виктор пошёл на новый виток в устроении безобидной клоунады, наглядно демонстрирующей, что его начало отпускать напряжение последних дней и событий.

– Не придумаю, – исправился блондин, чуть наклонив голову и улыбнувшись дочери рода Озмунд. – Сплетни – зло. Болтливость – тоже зло. И вообще, я после завтрака чрезвычайно нравственный человек…

– После завтрака?

– После еды, – уточнил он. – До еды я скорее философ…

Громов тяжело вздохнул, окинув взглядом воцарившуюся вокруг идиллию. В отсутствие рядом Белль, он выглядел самую малость потерянно, и одновременно с тем – довольно. Не потому, что компания девушки ему была неприятна, а, скорее, из-за возможности побыть самим собой без необходимости соответствовать «графине».

– Лекс, – Эльза перешла на шёпот, чуть наклонившись. – Ты улыбаешься, как дурак.

– Почему сразу как дурак? – я вскинул бровь.

– Потому что несерьёзно и на людях, – спокойно пояснила она, отведя взгляд. – А на нас и так не смотрит только ленивый.

– У тебя уголки губ приподняты, Эльза. И не ворчи, тебе не идёт, – я опустил ладонь на её макушку, растрепав волосы девушки. И поймал взгляд Димы, который только и ждал момента, когда, наконец, мы закончим с «приветственными ритуалами».

– Так, – Громов хлопнул скрученным в трубочку листком по ладони, приковав к себе все взгляды. – Раз уж Лекс наконец-то явился, а голодная смерть временно откладывается, предлагаю перейти к главному.

– К еде? – с надеждой спросил Виктор, тут же получив локотком по рёбрам. Демонстративно, но лицо он скорчил такое, словно его по меньшей мере коварно пырнули кинжалом. – И ты, Мари…

– И я, Виктор, – тихо и с улыбкой произнесла Мариэлла Озмунд. – Не дурачься. Дмитрий, продолжайте.

– На повестке дня у нас расписание, дамы и господа, – Громов кивнул в сторону доски объявлений. – Там вывесили временный регламент, который, чует моё сердце, рискует остаться с нами минимум на месяц. В любом случае, информация подтвердилась – вводят дополнительные занятия с обязательным минимумом для посещения. Вдобавок ограничивают перемещения по территории уже официально, вместе с регистрацией посещений, досмотрами, опросами и всем тем, что делает нашу с вами жизнь несоизмеримо прекраснее прежней…

– Словно она до этого была недостаточно прекрасной, – Эльза поморщилась. – Лично меня всё более чем устраивало…

– Увы и ах, но наше мнение по этому поводу едва ли кого-то сильно интересует. Да и если все эти меры помогут решить имеющуюся проблему, то протестовать будет глупо…

– К тому же, – начал я, выдержав крошечную паузу, – мы ещё не успели толком привыкнуть к распорядку, так что перестроиться должно быть несложно.

– Не говоря уже о том, что мы рискуем стать первым поколением студентов, на долю которых выпало натуральное осадное положение в самом безопасном месте Империи, – хмыкнул Виктор, проигнорировав недовольный хмык Мариэллы. – Лекс, ты же ещё в глаза эту макулатуру не видел?

– Именно, – я кивнул. – Хотя очень хотел бы.

– Тогда идём. Иначе что вообще обсуждать?..

И мы плавно перетекли к ближайшему свободному стенду, наполнение которого как две капли воды походило на содержимое соседних: администрация академии подсуетилась и, осознавая потенциальный ажиотаж вокруг хоть каких-то новостей, подготовилась соответствующе.

Расписание, первым бросившееся в глаза, оказалось чем-то средним между перечнем учебных предметов, регламентом военного гарнизона и не особо замаскированной системой учёта живых душ.

Обязательный минимум «дополнительных» занятий – пять «больших» блоков. Каждый такой большой блок представлял из себя с десяток учебных часов в неделю по конкретному предмету. Пропускать можно было только по уважительной причине с подтверждающими документами. Дополнительно можно было набрать «Малых» блоков по два учебных часа каждый, что, в теории, позволяло занять весь день с восьми до восьми, было бы желание.

Остальное касалось дисциплины: регламентированные маршруты перемещения между корпусами академии, подробное описание комендантского часа со всеми нюансами и санкциями за нарушение, объявление нежелательными самовольных собраний вне общих зон групп студентов численностью свыше десяти человек.

«Конечно же, никто не запрещает аристократам собираться вместе. Просто это нежелательно…» – горько усмехнулся я, порадовавшись, впрочем, тому, что наши с простолюдинами занятия под эти критерии не попадают, ибо «учеников» у нас с Сориар маловато будет.

«Но стоит проекту разрастись, а он, я подозреваю, будет расти в силу дальновидности рода Сориар, как мы попадём в опалу. Если не договоримся, санкционировав сборища официально».

Сами занятия были приведены в виде сложной таблицы, на которой отмечалось, в каких временных промежутках какие блоки присутствовали, а какие – нет.

А вот список предметов удивил, потому как «обычными» предметами тут и не пахло.

Очевидно, что под звучными и призванными заинтересовать студентов названиями они и скрывались, но ведь содержимое должно было оправдать такие названия, как «Боевая практика», «Работа в малых группах», «Оборонительные построения и техники самозащиты», «Экстренная медицина», «Углублённая теория катализаторов», «Право и обязанности студентов в условиях чрезвычайного режима», «Этикет кризисных ситуаций»…

На последнем пункте я всё-таки не выдержал.

– Этикет кризисных ситуаций? – я повернулся к Виктору, который смотрел на меня и терпеливо ждал моей реакции. – Это звучит… очень странно.

– Там нам объяснят, кого первым вытаскивать из горящего зала, – блондин довольно осклабился, – если там одновременно сидят принц, герцогиня и очень богатая вдова.

– Вдову, – не задумываясь отозвалась Лиза. – Потом она хотя бы будет благодарна.

Я обернулся, заметив, что то же самое проделали и все остальные, обратив к Лизе все взгляды. Брюнетка выдержала несколько секунд, после чего пожала плечами:

– Что? Это практичный и эффективный подход.

– Я начинаю понимать, почему господин Громов так устойчив к давлению свалившихся на него обстоятельств, – неспешно и, опять же, негромко произнесла Озмунд, тон которой не позволял трактовать сказанное иначе, как отсылку на Белль. – Его тренировали с детства, как я погляжу.

– В некотором роде, – Дима с сомнением посмотрел на сестру, явно задумавшись о чём-то из пресловутого детства.

– Не драматизируй, – Лиза же оценила выражение на его лице за считанные мгновения. – Ты сам всегда был той ещё…

– Лекс, – Эльза дёрнула меня за рукав. – Что ты выберешь из списка?

– Углублённая теория катализаторов выглядит обязательной, – произнёс я, найдя взглядом соответствующую строку. – Дальше… право и обязанности. Лишним не будет…

– Лекс, – с тихим ужасом произнёс Виктор, которому, видно, наскучило наблюдать за шутливой перепалкой Громовых. – Мы, конечно, многое пережили бок-о-бок, но если ты подашься в юристы – мир этого не выдержит.

– Если бы юристом можно было стать за пусть даже десять учебных часов в неделю в течение пяти лет, то они бы давно наводнили все города Империи, – резонно ответил я. – Мне же просто нужно понять, в какой момент и по какой причине меня могут куда-то не пустить, досмотреть, задержать или решить, что одной моей скромной персоны достаточно, чтобы объявить собрание нежелательным.

– В одиночку нежелательным собранием быть сложно, – заметила Мариэлла, чуть улыбнувшись.

– Я верю в себя, леди Озмунд.

Эльза тихо фыркнула, вернув взгляд на доску с расписанием.

– На самом деле это вполне разумно. Глядя на то, как рьяно Имперская Безопасность взялась за Академию, незнание правил может оказаться как бы не опаснее очередной группы террористов-диверсантов.

– Вот, – я благодарно кивнул. – Хоть кто-то разделяет мою тягу к бюрократии…

– Это не значит, что я собиралась в это погружаться, – перебила меня на полуслове рыжеволосая, коварно улыбнувшаяся аристократка. – Но теперь, видно, придётся это сделать. Просто чтобы сохранить приятную компанию.

– Так или иначе, – я в последний раз пробежался взглядом по расписанию, – но закончу свою «пятёрку» я экстренной медициной, работой в малых группах и, пожалуй, основами взаимодействия с охраной во время чрезвычайных ситуаций, чем бы это ни было. Хотя бы ознакомлюсь…

«Потому как известная мне обширнейшая база включает много самых разных вещей, но вот то, что для этого мира является явлением уникальным, мне по понятным причинам неведомо».

Знать регламент действий охраны и понимать, чего от них ожидать, было в любом случае не лишним. А если это окажется что-то бесполезное, то блок всегда можно заменить любым другим.

– Медицина – это хороший выбор, – наконец сказала Эльза, нахмурившая бровки и в течение полуминуты о чём-то напряжённо размышлявшая. – Но если ты будешь и там спорить с преподавателем, я сделаю вид, что мы незнакомы.

– А если он будет спорить с тобой, дражайшая кузина? – аккуратно поинтересовался Виктор, взгляд которого отражал сплошь намерение сделать этот пасмурный день хоть сколькнибудь ярким для окружающих.

– Пф-ф. Тогда я его аккуратно покалечу и заставлю самостоятельно оказывать себе первую помощь, – фыркнула Эльза, в противовес своим словам прильнув ко мне, словно кошка. – Исключительно для повышения твоей мотивации, Лекс.

– Стесняюсь спросить, что именно – угроза травмы, или?..

Ответом мне стал ощутимый тычок в бок, взгляд обещающих все неземные кары глаз и одновременно с тем – мягкое, почти невесомое прикосновение к моему предплечью.

– Не дурачься, Лекс. Виктор с запасом закрывает потребность в этом для нашей группы, – наконец бросила она. – А шестой большой блок? Или ты возьмёшь по-минимуму?

– Шестой оставлю плавающим, – я пожал плечами. – Посещу по разу каждый доступный предмет и, так скажем, приценюсь. А уже потом, если всё стабилизируется, выберу что-то конкретное…

– Скорость, дуэльная практика, самозащита, работа в малых группах и взаимодействие с охраной, – выпалила Лиза раньше, чем бросивший на неё взгляд Дима успел задать вопрос.

– Ты уверена? – Громов сложил руки на груди, чуть наклонил голову и приподнял бровь. – Это тяжёлый набор. Физически тяжёлый.

– Мне надоело чувствовать себя человеком, которого в случае опасности должны прикрывать другие. Поэтому – да, уверена, Дима.

Брюнет нахмурился:

– Тебя никто не считает беспомощной…

– Я знаю, – Лиза пожала плечами. – Но хочу, чтобы это было очевидно не только тем, кто меня любит.

Я хмыкнул беззвучно, почувствовав, как Эльза сжала пальцы на моей руке. Элизабет говорила о том, что, очевидно, её угнетало, так, словно вещала о погоде. Но в этой отстранённости и скрывался весь масштаб.

И Дима, к счастью, не стал спорить, задавать лишние вопросы или убеждать сестру в том, что ей это всё не нужно.

– Хорошо, – он выдержал паузу. – Но малые группы берём вместе.

– Идёт. А ты? – Лиза повернулась к Эльзе. – Я догадываюсь, конечно, но всё равно попрошу озвучить…

– Я беру всё, что касается медицины. Экстренная помощь, стабилизация травм, последствия перегрузок катализаторов, восстановление внутренних органов и дальше по списку. И… – она на миг задумалась. – Пожалуй, масштабирование эрикс-воздействий.

– Ты… действительно планируешь взять всё?

– Всё, что получится вместить в расписание, – Эльза спокойно подтвердила то, от чего у Виктора начал дёргаться глаз.

– Это план человека, который решил презреть сон, дорогая кузина…

– Сон переоценён, – сказала как отрезала девушка. – И вообще, у меня фактически украли наставницу, но не настрой выжать из времени в Академии максимум.

Я окинул Эльзу взглядом, подмечая малейшие детали – сосредоточенное и спокойное лицо соседствовало с на удивление жёстким взглядом человека, не желающего оказаться в безвыходном или подобном тому положении снова.

– А я возьму малые группы и далее по списку военных направлений. Всё, что удастся уместить в расписание, – подытожил Дима. – Я действительно расслабился. Пора навёрстывать упущенное.

Виктор театрально и очень тяжело вздохнул:

– Раз уж в этом кружке по интересам страдают все, позволю себе заявить следующее… – блондин покосился на листок в руках Мариэллы. – Я выбираю самозащиту, малые группы, масштабные воздействия, этот ваш этикет, углублённую теорию и, если такой блок всё же имеется, но его от нас скрывают, прикладную леность. Постараюсь попасть на место профессора, чтобы по дружбе записывать вам посещения. Мари?

– Всё то же самое, кроме лености, – бросила Озмунд, на удивление мягко для девушки её положения улыбнувшись. – И курсы проработки психологической стойкости, пожалуй.

Повисла тишина, прерывать которую не решилась даже Лиза. Лицо Виктора едва заметно дрогнуло, но лишь на миг. Парень моментально подобрался и резко, глубоко кивнул.

– Хороший выбор, Мариэлла, – он широко улыбнулся. – Я, наверное, тоже возьму этот блок. В то же время.

– Буду рада хорошей компании, – сопротивляться «герцогиня», впрочем, не стала.

Дальше диалог благополучно съехал в неконструктивное русло, наполнившись смешками, колкостями, обсуждениями и пустой болтовнёй. И всё это выглядело настолько нормальным, что я не мог не задуматься об обратном.

Ведь нормального в этом не было ни на йоту.

Эльза выбрала двенадцатичасовую нагрузку, потому что понимала – люди вокруг неё могут пострадать в любую минуту, и, как уже случилось однажды, поблизости может не оказаться сертифицированного медика.

Дмитрий стремился расширить и углубить своё понимание тактики, всё ещё коря себя за те смерти в лесу во время отступления. Едва ли кто-то смог за эти дни убедить его в том, что даже гений планирования не смог бы организовать толпу гражданских так, чтобы никто из них не пострадал.

Лиза сделала ставку на бой по всё той же причине: Дима сам, своими руками задвинул её на периферию, безальтернативно поручив «женское» дело боевитой сестре. Справиться-то она справилась, но последствия аукаются здесь и сейчас.

Виктор собирался утопиться в уроках по самозащите и обороне, подобрав убойную, но рабочую комбинацию предметов. Леность? Увольте: пусть он и увлёкся Мариэллой за считанные дни, но в серьёзности его намерений сомневаться более не приходилось.

Сама же дочь рода Озмунд ответила ему тем же, добавив к этому малый блок, который, смею предположить, значил для неё многое. Психологическая устойчивость – то, что могло стать жизненно необходимым для девушки, пережившей покушение и похищение там, где о подобном десятилетиями и помыслить не смели.

В нашей компании только я не изменил своим интересам, признавая события масштабными и неприятными, но не определяющими перечень того, что мне нужно знать.

«И это в любом случае очень весёлое начало второго студенчества, ничего не скажешь. Впрочем, всё ещё лучше попыток выжить и не вылететь из училища магии, на бумаге будучи образцовым учащимся, а на деле не умея вообще ничего».

– Лекс, – Эльза снова потянула меня за рукав. – Ты завис.

– Нажмите на нос для перезагрузки, – я хмыкнул, глянув на неё сверху-вниз. – Всё нормально. Всего лишь прикидывал, что к чему, и как впихнуть в двадцать четыре часа все тридцать.

– Если что-то придумаешь, то поделись секретом, – девушка улыбнулась. – Мне такой метод тоже не помешает. Всё-таки мне и кроме медицины многое хотелось бы освоить, но время…

– Почему бы не чередовать предметы?

– Потому что структура занятий такова, что ради студента, пропустившего занятие номер два, никто разжёвывать материал на занятии номер три не будет, – Эльза пожала плечами. – Иными словами, выбирать вроде бы есть, из чего, да только наличие желанных предметов это делать запрещает.

– Хм, – я вновь обратил взгляд на расписание, в котором действительно не было никаких обозначений «повторных», повторяющих друг друга «блоков». – Как-то не особенно удобно…

– Скорее всего, – вдруг подала голос Мариэлла, – у администрации просто не хватило времени и ресурсов для составления более эффективного расписания. Ещё и давление Имперской Безопасности, навязавшей регламент, и тем самым ограничившей не только студентов, но и преподавателей. Я слышала, что за наставниками наблюдение ещё более жёсткое…

– После Лидали – ничего удивительного. – я цыкнул языком и потянулся к переносице, не став прерывать рефлекторный жест на полпути. – И вообще, это всё, конечно, прекрасно, но я собираюсь поесть. Лиза, ты же не собираешься ликвидировать все наши запасы в одиночку?

Вопрос имел под собой определённую подоплёку, так как брюнетка за всё это время успела умять этак с пять единиц различной выпечки.

– Увы, – она печально развела руками, – отсутствие возможности пофехтовать и потренироваться не позволяет мне наслаждаться жизнью на полную. Поэтому, Лекс, твои пирожки вне опасности.

– И на том спасибо, – я потянулся к пакету, выудив оттуда кусок мясного пирога. – Предлагаю передислоцироваться в библиотеку. Там должно быть поменьше народу… и лишних ушей тоже…

– Я за, – Громов ухватился за эту возможность обеими руками. – Но булки придётся съесть по пути. Или выбросить.

– Я тебе выброшу! – с искренним возмущением подался вперёд Виктор. – Это, вообще-то, еда. Люди старались, делали… Я умру мучительной смертью, но не позволю пропасть без дела ни единой крошке…

Так, перешучиваясь и поглощая содержимое пропитавшегося маслом пакета, уже начавшего расползаться от тряски, мы двинулись в сторону библиотеки Первой Академии.

И там мне в любом случае придётся как-то выбирать, какие кусочки правды можно отдать друзьям, а какие лучше оставить при себе.

Глава 5. Что можно сказать.

Ещё совсем недавно, до того, как Академия лишилась статуса абсолютно безопасного учебного заведения, путь до библиотеки от холла с объявлениями занял бы пять, край – десять минут.

Сейчас это формально не изменилось, и пространство не растянулось вдесятеро. Но на многочисленных постах нас нет-нет, да просили задержаться, а изменения, произошедшие за ночь на территории академии, почти буквально требовали обратить на себя внимание.

И мы обращали, впитывая актуальную информацию, словно губки – воду, ведь даже так, просто наблюдая, можно было сделать значимые выводы.

Гвардейцы и сотрудники охраны теперь стояли в коридорах и на перекрёстках так, чтобы студенты были вынуждены проходить мимо них на расстоянии вытянутой руки. Появились камеры: немногочисленные, демонстративно сверкающие начищенным металлом угловатых корпусов, ни разу не скрытые и выполняющие скорее предостерегающую функцию.

Пару раз на глаза попались женщины в армейской форме – спокойные, подтянутые и, конечно же, вооружённые. И в обоих случаях они как будто бы просто беседовали, но несложно было догадаться о том, что сейчас их основная задача – примелькаться и перестать вызывать ажиотаж среди студентов, привыкших видеть в рядах защитников исключительно мужчин.

Не меньше выделялись безопасники: их хоть и переодели в униформу сотрудников академии, но они всё равно не были способны слиться с толпой. На нашем пути встретилось трое таких – первая двойка наблюдала за потоком студентов, внося пометки в планшеты, а ещё один на небольшом отдалении следовал за промелькнувшей вместе со стайкой подруг и вассалов Белль Сориар.

«И, конечно же, он наблюдает. Вопрос только – с какой целью? Белль или кто-то из её окружения?..» – промелькнула мысль одновременно с тем, как сама Белль, не иначе как почувствовав пристальное внимание, повернула голову, нашла меня взглядом, чуть улыбнулась и обозначила кивок.

Дима же, идущий рядом со мной, удостоился улыбки куда как более тёплой. Но прежде, чем он успел как-то ответить, Белль отвлекли сопровождающие девушку студенты.

– Он идёт за Белль, – тихо произнёс Громов, ничуть не изменившись в лице.

– Вижу, – так же тихо ответил я, провожая взглядом безопасника, даже не старающегося выглядеть непримечательно. Оно и понятно: весьма сложно это сделать в условиях относительно замкнутого социума, где студенты прекрасно знают и друг друга, и преподавательский состав, всех остальных «вычленяя» из толпы по щелчку пальцев. – Но предполагаю, что он всё-таки за кем-то из её свиты.

– Лекс…

– Не здесь, – я оборвал его прежде, чем успел задать вопрос. – В библиотеке. Немного осталось.

Громов промолчал, поджав губы. Коротко кивнул:

– Хорошо.

К счастью, до библиотеки и в самом деле оставалось немного, и у самого входа нас встретил очередной пост охраны. На этот раз – смешанный. Двое гвардейцев, один сотрудник охраны Академии и женщина-армеец с нашивкой медкорпуса на рукаве.

Последняя, впрочем, со своей неженской статью выглядела так, словно переломы и прочие травмы она предпочитала наносить, а не лечить.

Лиза и Эльза, до сего момента болтающие друг с другом, одновременно замолчали, синхронно повернули головы и окинули женщину оценивающими взглядами. Только если Лизу

заинтересовала её подготовка, то рыжеволосую аристократку – медицинский аспект. Офицер, заметив это, по-доброму хмыкнула и подмигнула.

Девушки, смутившись, – всё-таки откровенно пялиться было невежливо, – резко отвернулись.

– Стыдно? – усмехнулся Виктор негромко, моментально уловив изменения в атмосфере и, как всякий порядочный человек, не позволивший этому эпизоду кануть в лету без его бесценных комментариев.

– Молчи, – ответ девушек, впрочем, был синхронен, однозначен и угрожающ настолько, что блондин действительно не решился развивать тему.

А когда на Виктора бросила взгляд Мариэлла, тот так и вовсе выпрямился, сложил руки за спиной и принял вид оскорблённой невинности. Выглядело это настолько наигранно, что становилось очевидным – парень и не рассчитывал на то, что кто-то поверит в его искренность.

– Проходим, господа и дамы, – кивнул гвардеец, успевший проверить наши браслеты и свериться с данными, промелькнувшими на экране массивного планшета в его руках. – В читальных залах проходы не занимать, в группы свыше десяти человек не собираться, при выходе обязательно отметиться у любого гвардейца или сотрудника охраны.

– Даже в библиотеке? – Виктор вздел бровь.

– Особенно в библиотеке, господин студент, – гвардеец шутить намерен не был. – Я убедительно прошу вас не нарушать установленный порядок. Хорошего времяпрепровождения…

– С одной стороны, – начал Виктор, едва мы углубились в первый зал, – безопасность – это хорошо. А с другой, не нравится мне такое, ой, не нравится…

– Тяжёлые времена требуют соответствующих мер, – выдохнул Дима, сложив руки за спиной. – Будем надеяться, что это долго не продлится…

Сама библиотека встретила нас запахом бумаги, лака и привычной тишиной. Не абсолютной, разумеется: студенты тут присутствовали, листая страницы тетрадей, двигая стулья и банально перешёптываясь.

Но после холла, коридоров общежитий и уж тем более общего зала с центральной площадью библиотека казалась склепом. В хорошем смысле.

– Туда, – Громов кивнул в сторону одной из боковых галерей, где несколько столов и терминалов ютились в нише между стеллажами и внешними стенами. – Людей меньше, обзор лучше, проход один. И окон нет.

– Ты там обороняться собрался? – улыбнулась Лиза.

– Если придётся. Нам всё равно нужно укромное место, – брюнет бросил на меня короткий взгляд. – Иначе самое интересное мы так сегодня и не услышим.

– Я ворчу для вида, Дима, не нервничай, – Лиза похлопала брата по спине, проскользнув мимо него и заняв крайнее место у стены. – А то поседеешь раньше времени.

– Не раньше тебя, Лиза, – фыркнул Громов, опускаясь на соседний стул.

Мы последовали его примеру, за считанные секунды оккупировав всё доступное пространство, по факту оказавшееся действительно уединённым и нашим целям вполне подходящим.

Стол заполнился бланками расписаний, листами, тетрадями и ручками:

– Значит так, – брюнет окинул всех внимательным взглядом. – Для начала отметим обязательные блоки, потом накладываем поверх желательные, и смотрим пересечения…

– Дима, – Лиза посмотрела на брата, прищурившись. – Ты произнёс это тоном человека, который всю жизнь, кажется, мечтал составить кому-нибудь расписание.

– Тебя это смущает? – брюнет вскинул бровь. – Дисциплина превыше всего, – он понизил голос, – и какое-то время нам лучше ничего важного не обсуждать. На всякий случай.

– И что мы будем делать это «какое-то время»? – Виктор с раздутой до невозможного тоской воззрился на листы, заботливо к нему пододвинутые Мариэллой. – Изображать, будто мы действительно увлечены составлением расписания?

– Не вид, – Громов качнул головой. – Нам действительно нужно их составить. И если ты думаешь, Вик, что состыковать желаемое с необходимым для нашей группы – раз плюнуть… то это значит, что в этой жизни тебе пока повезло не столкнуться нос к носу с бухгалтерией.

– Это кажется мне куда более полезным занятием, чем очередная твоя попытка погибнуть героической смертью от скуки, Виктор, – Мариэлла изящно вооружилась авторучкой. – С чего начнём?

– Мари, ты чертовски жестока, – блондин вздохнул, но ручку всё-таки взял.

– Последовательна, скорее.

– Неизвестно, что хуже…

Лиза фыркнула, Эльза закатила глаза, а Дмитрий сделал вид, что обмен любезностями его не интересует ни в малейшей мере, и вообще – он поглощён таблицами настолько, что не видит и не слышит ничего вокруг.

Я последовал примеру друга и достал ручку, когда Эльза коснулась моего предплечья:

– Лекс, разговор, – напомнила она, качнув головой в сторону ближайшего окна.

– Дима, – я поднялся со своего места. – Вы начинайте, а мы с Эльзой отойдём на пару-тройку минут.

Громов поднял взгляд, глянув сначала на меня, а потом и на рыжеволосую аристократку, уверенно держащуюся за мою руку. Вопросов задавать не стал, ограничившись кивком: иди, мол.

– Недалеко, Лекс.

– В пределах прямой видимости, – пообещал я перед тем, как увлечь Эльзу Шталь в сторону. Мы сместились к пресловутому окну, остановившись в нескольких метрах от «нашего» стола.

– Ты работаешь с принцем, – сказала девушка, едва поймав мой взгляд. – И ты принял его предложение, не так ли?

– Это… – протянул я, подбирая слова, – отчасти правда. Никаких должностей, присяги или чего-то подобного. Всего лишь нечто вроде союза, цель которого – вернуть в Академию безопасность.

– Безопасность Академии ценой опасности для тебя?..

Я не дал её продолжить:

– Почти. Но я уже всё равно увяз в этом по самую макушку. И остаться в стороне – значит понадеяться на кого-то ещё. А мне такой подход не нравится, Эльза, – я подался вперёд и чуть наклонился, запустив пальцы в её волосы. Коротко, но нежно поцеловал девушку в лоб. – Понимаешь?

По её тону, выражению лица и взгляду я уже понял, что она настроена серьёзно, и собирался задействовать все доступные мне средства для минимизации «потерь» в этом неминуемом «сражении». В том числе и нежности, призванные ослабить её напористость и упрямство.

Вот только отступать так просто Эльза не собиралась:

– Это ловушка, Лекс. Принц – не просто сильный студент. И не просто наследник даже. Он – центр всего в этом маленьком филиале Империи, и рядом с ним нет безопасных мест. Вообще нет. А все люди, оказывающиеся подле него, разделяются на тех, кто ему нужен, тех, кто ему мешает, и тех, которых можно выгодно использовать против первых двух. И даже он сам едва ли точно знает, кто есть кто в его окружении…

Я внимательно посмотрел на девушку, которая злилась, но делала это по-взрослому. Она не просила «не идти» туда, не требовала выбирать и не пыталась поставить себя между мной и

Александром. Но она видела ловушку, и причина её недовольства крылась в том, что я сознательно в неё зашёл.

«Обеими ногами в капкан запрыгнул, можно сказать. Но были ли у меня ещё варианты?».

– Я всё это понимаю, Эльза. Ты доступно мне разжевала каждую мелочь ещё неделю назад. Но сейчас этот союз – единственный способ форсировать возвращение всего на круги своя.

– А если никаких таких «кругов» уже не существует? – тихо задала она вопрос, который, стоило признать, был до омерзения хорош.

– Тогда придётся выстроить нечто достаточно похожее, – я пожал плечами и улыбнулся. – Не идеальное и не «как было», но по крайней мере безопасное.

– И ты решил, что именно ты должен исправить то, с чем облажалась вся Первая Сотня, – бросила девушка, поджав губы и с силой ткнувшись лбом мне в грудь. – Я даже не знаю, как тебя назвать, Лекс.

Я потрепал её по волосам, вздохнув:

– Я не собираюсь делать чужую работу, Эльза. Но сидеть и ждать – это, повторюсь, не мой вариант. Особенно после того, как мне весьма недвусмысленно намекнули на то, что под угрозой не я один.

Эльза поджала губы:

– Угрожали не только тебе?

– Мне угрожать почти бессмысленно. Я раздражаюсь, но редко делаю то, чего от меня хотят, – я криво усмехнулся. – А вот люди рядом со мной… это уже другой разговор.

– Лекс?

– Я не могу рассказать всё, – начал я, опередив её вопрос. – И дело не в недоверии к тебе. Есть вещи, которые нельзя озвучивать в принципе. Но того, что я всё-таки могу сказать, должно быть достаточно, чтобы помешать вам вляпаться в неприятности. И рассказать об этом я хочу не только тебе.

Она посмотрела мне в глаза, забавно наклонив голову.

– Всем?

– Тем, кто сидит за нашим столом, – уточнил я. – Дима, Лиза, Виктор, Мариэлла. Белль, когда появится, потому как Дима всё равно её введёт в курс дела. Возможно, ещё Алисия, если представится возможность нормально и наедине переговорить…

Эльза тем временем нахмурилась, задумчиво прикусив губу:

– Мариэлла и Белль?..

– О Белль я уже сказал. А если леди Озмунд окажется идеологически обработанной диверсанткой, то всем нам останется только аплодировать недругам стоя. Потому как это будет не интрига, а нечто, выходящее за рамки возможностей обычных людей. Но если серьёзно… – я цыкнул языком. – Уже поздно артачиться и пытаться их вытолкнуть из нашего круга. Дима настроен весьма серьёзно. О Викторе я даже говорить ничего не буду…

Я кивнул в сторону стола, и Эльза бросила взгляд на Виктора, который, судя по всему, уже успел изобразить на пустом листке нечто такое, что вынудило Мариэллу выбирать между уничтожением этого самого листка, автора художества, или и того, и другого сразу. Параллельно с тем Громов пытался что-то донести до Лизы, но та лишь самоуверенно отмахивалась ото всего сказанного.

«О переборе по нагрузкам говорят, не иначе».

– Хорошо, – наконец сказала Эльза. – Но если ты вдруг снова начнёшь своё «для всех так будет лучше» с параллельными попытками испариться в неизвестном направлении, то я за себя не отвечаю, Лекс.

– Договорились, – я невольно улыбнулся, глядя на этого, с позволения сказать, боевого хомячка, который отчаянно боялся оружия, но при этом не переставал угрожать всем вокруг всеми возможными карами.

– Но мне это всё равно не нравится, – буркнула она, сделав шаг в сторону стола.

– Мне тоже, – выдохнул я, убирая руку от её волос.

– Это едва ли может утешить, Лекс…

Когда мы вернулись к остальным, Дмитрий как раз вносил последнюю строчку в шаблон «общего» расписания – пересекающихся для всех блоков. И он уже хотел снова взять слово, когда я поднял руку:

– Прежде, чем мы окончательно погрузимся в борьбу с таблицами, я бы хотел с вами кое-что обсудить, – Громов мгновенно стал серьёзным, а Лиза, заметив эту перемену, тоже перестала улыбаться. Мариэлла подобралась за компанию со всеми остальными, а Виктор – от безысходности и для того, чтобы не сильно выделяться.

Эльза устроилась рядом, сложив руки на столе перед собой, и обратилась в слух.

– Я не могу рассказать всего, – начал я, выуживая из памяти загодя составленную и неоднократно выверенную речь. – Часть сведений касается расследования, которым занимается Имперская Безопасность. И если эта информация тем или иным путём попадёт не туда, куда нужно, лучше не станет никому.

– Но что-то сказать ты можешь, – произнёс Дима, сцепив руки в замок перед собой.

– Могу. Первое – угроза реальна. Второе – она касается не только меня. Враги уже обозначили свою готовность бить по тем, кто сам себя защитить не способен. И «бить» они могут не обязательно буквально. Давление, шантаж, похищения… вариантов хватает.

Лиза демонстративно помассировала виски.

– Весёлое утро становится ещё веселее, да?..

– И третье, – продолжил я, не позволяя себе отвлечься. – Есть все резоны считать, что контрмеры Имперской Безопасности могут быть использованы против нас. И я говорю сейчас об отсутствии нормальной связи. Поэтому, если вас вдруг кто-то куда-то пригласит от чьего угодно имени, через третьи руки или с помощью записки – насторожитесь. В ваше благоразумие я, бесспорно, верю, но предосторожности не бывают лишними…

– То есть, ты предполагаешь, что некие матёрые диверсанты, раз они обретаются тут, могут попытаться выманить нас, подделав записку? – Громов скептически приподнял бровь. – Лично я сообщения на бумажках в последний раз передавал немногим позже своего последнего визита в песочницу…

– Мне в комнату подбросили письмо, написанное на конспекте девушки, которую я давно и хорошо знаю, – я не дал ему продолжить. – Письмо с угрозами и требованием устраниться от дальнейших… «спасательных» активностей. Общежития скомпрометированы, оттого и такие меры по обеспечению дополнительной безопасности. Но едва ли наши недруги не догадывались, к чему могут привести их действия…

– Лекс, ты… – Эльза вскинулась, широко распахнув глаза. – Об этом точно можно говорить?

– Мне не запрещали, – я хмыкнул. – И я не озвучил ничего такого.

– Ничего такого, – медленно повторила Эльза. – Письмо, угрозы, конспект Ал… девушки, которую ты давно и хорошо знаешь. И это, по-твоему, ничего такого?

– Это то, до чего невозможно не дойти. Следовательно, – я улыбнулся, – наши враги знают о том, что мы об этом знаем. Это не секретные сведения, но всю серьёзность ситуации до вас донести позволяют.

Лиза открыла рот, но не нашлась с тем, что именно уместно будет сказать. Виктор, напротив, был не против обрушить на нас лавину словоблудия, но оценил обстановку за столом и

благоразумно промолчал: порой даже в нём просыпался инстинкт самосохранения, пусть и в зачаточном виде.

– Вы полагаете, что попытка давления может повториться или масштабироваться, – подала тихий голос Мариэлла, одной рукой вцепившись в рукав своей блузки.

– Это произойдёт наверняка, – я кивнул, – но не факт, что с вами, и не факт, что в черте Академии. Тут сейчас слишком много гвардейцев, безопасников и иже с ними, чтобы был какой-то смысл рисковать и дальше. Но я не исключаю возможности того, что недруги попытаются «день-в-день», то есть, как можно быстрее меня «наказать»…

– Что именно от нас требуется? – Громов подался вперёд, переварив вывалившуюся на них информацию.

«Вот за это я и люблю людей военной закалки. Размусоливания, философствования – идут лесом».

– Первое, – я поднял палец, – любые сообщения через третьи руки считаются подозрительными по определению. Повторюсь, друзья: записки, передачки на словах – всё это не принимается на веру. А если ситуация будет критическая, то академия битком набита офицерами при оружии. Обращайтесь к ним – они тут для того и дежурят. А второе…

Я отдельно посмотрел на Мариэллу.

– Не ходим поодиночке там, где этого можно избежать. Особенно вечером, ночью или в непогоду. Потому что один человек – это удобная цель. Два человека – уже сложнее.

– А три – ещё сложнее, – заметила Лиза, скрестив руки под грудью.

– А группы свыше десяти человек вне общих зон теперь нежелательны, – напомнил Шталь с видом человека, которого правила оскорбили лично и целенаправленно. – Империя против весёлых компаний.

– Империя против удобных для терактов целей, – сухо поправил Громов.

– И против весёлых компаний, – блондин сдаваться не собирался.

– Третье, – я постучал пальцем по столу, возвращая внимание. – Обо всех странностях сообщаем сразу. Даже если речь о чём-то незначительном. Четвёртое, – я кивнул на бланки расписаний, разбросанные по столу. – Раз уж нас всё равно загоняют в систему, подразумевающую повальную регистрацию всех и вся, то мы будем пользоваться этим себе на пользу. Изучаем расписания друг друга, выявляем контрольные точки – места, где мы неизбежно будем пересекаться. И следим за тем, чтобы никто никуда бесследно не исчезал. Без фанатизма, но так, чтобы исчезновение кого-то не обнаруживалось спустя полдня.

– То есть мы всё-таки устраиваем собственную систему учёта, – подытожила Лиза, откинувшись на спинку стула.

– В этом есть резон, – качнул головой Громов. – Предлагаю ввести проверочную фразу. На тот случай, если нам всё-таки понадобится передать сообщение через кого-либо.

– Проверочная фраза?

– Если кого-то действительно отправляют от имени Лександра, Мариэллы, Виктора или кого угодно из нашего круга, то этот кто-то должен знать нечто, чего не знает случайный посредник, – пояснил Громов. – Это очень упрощённая схема, но и она лучше, чем ничего…

– И какую мы выберем сегодня? – Эльза чуть наклонила голову.

– Вдова, – вдруг улыбнулся Виктор.

Мы все дружно посмотрели на него, ожидая продолжения.

– Если кто-то передаёт сообщение от имени одного из нас, спрашиваем – кого первым вытаскивать из горящего зала? Правильный ответ – вдову. Очень богатую вдову.

Лиза проникновенно, с явным довольством закивала:

– Я всегда знала, что тебе не чуждо чувство прекрасного, Вик…

– Польщён, польщён… – Шталь глубоко, с чувством поклонился, едва не приложившись лбом об столешницу. – Но пароль всё равно нужно регулярно менять. И не забыть сообщать его посыльным, если таковые будут. А то случится конфуз…

– Это точно, – я хмыкнул. – Будет очень неловко сдать Имперской Безопасности человека, которому просто забыли озвучить пароль…

Эльза в этот самый момент опустила ладонь мне на плечо, чуть потянув. Я обернулся, проследил за направлением её взгляда – и заметил Терезу, Готье, приметную женщину в форме Имперской Безопасности… и Алисию.

Девушка поймала мой взгляд и демонстративно отошла от товарищей в сторону, замерев в ожидании.

– Иди, Лекс, – шёпотом бросила Эльза, наклонившись. – Это её конспект использовали?

– Угу, – кивнул я рефлекторно. – Я не перестаю радоваться тому, какая ты замечательная, Эльза. Я быстро.

– Пф-ф, – щёки Эльзы заалели, а сама она отвернулась. Лиза рядом хихикнула: она явно что-то, да услышала. – Я потом спрошу с тебя вдвое, не обольщайся.

– За это я тебя и люблю, – я встал, повторил друзьям, что отлучусь на пару минут, после чего двинулся к Алисии прямым курсом.

И чего я уже не видел, так это того, как Эльза за моей спиной замерла с широко открытыми глазами и приоткрытым в удивлении ртом…

Глава 6. Дела налаживаются.

Алисия стояла в стороне от Терезы и Готье, но не настолько далеко, чтобы это всё выглядело достойной самого пристального внимания тайной встречей.

Но мои, с позволения сказать, ученики, демонстративно не смотрели в нашу сторону, что-то тихо обсуждая и сравнивая записи в одинаковых рабочих тетрадях. Ровно тем же самым по сути своей занялась Эльза с остальными, разве что сверяли они расписания, продолжая искать оптимальный для всех вариант с максимумом пересечений.

«Впрочем, если кто-нибудь однажды решится написать пособие «Как не привлекать внимание», я смогу выдвинуть свою кандидатуру в раздел «Как делать не надо». Благо, вокруг не то, чтобы очень много желающих подсмотреть и подслушать…» – подумал я перед тем, как сдержанно и вежливо улыбнуться.

– Алисия, рад видеть, что ты в добром здравии, – начал я, окинув девушку взглядом.

Бледная, но собранная, в аккуратной, прямо-таки вылизанной наперекор всему форме, она попыталась косметикой скрыть покраснение вокруг глаз и тёмные полумесяцы под ними, но получилось не очень.

Как не получалось у неё и держаться преувеличенно-бодрой: события минувших дней сильно потрепали её не физически, а морально.

«Без усталости тут, впрочем, тоже не обошлось».

– Лександр, – произнесла она тихо, но достаточно отчётливо для того, чтобы можно было понять, какая буря эмоций спряталась за одним-единственным словом. – Я тоже рада, что ты… что вы в порядке.

Я медленно кивнул, приняв её слова и тот факт, что ей всё ещё непривычно формальное ко мне обращение. Привычка, въевшаяся ей в подкорку за годы, на протяжении которых она общалась со «старым» Лексом, так просто сдаваться не собиралась.

Пары недель для этого, очевидно, было недостаточно.

– Как много тебе сказали? Имперская Безопасность, я имею в виду, – пояснил я, убедившись в том, что в непосредственной близости от нас никого нет.

– Достаточно, – блондинка слабо и неуверенно улыбнулась. – Сложно вести расследование, не вводя в курс дела одного из потерпевших. Поэтому я знаю про конспект, лист и, в общих чертах, про угрожающее послание…

Алисия на мгновение поджала губы, убрала выбившуюся прядь волос за ухо и, бросив мимолётный взгляд в сторону патруля, вошедшего в зал и почти сразу его покинувшего, продолжила:

– Сотрудники Имперской Безопасности спрашивали, не замечала ли я чего-то необычного в последние дни. Не теряла ли тетради, не давала ли кому-то конспекты. Я честно рассказала, что к чему – у меня записано, кому и что я давала. Веду записи, чтобы ничего не потерять, – девушка потупила взгляд, неловко улыбнувшись. – Но было бы странно, если бы виновником оказался кто-то из моих знакомых. Они же все из низшего сословия…

Я тихо хмыкнул, качнув головой:

– Как самостоятельные организаторы – да, маловероятно. Но вот как люди, которых могли запугать или купить… С аристократией провернуть подобное было бы сложнее. Но речь сейчас не о том. Ты как в целом? – я демонстративно обвёл Алисию взглядом. – Безопасники не перегибали палку?

– Нет, – она качнула головой. – Они были вежливы. Даже слишком. Может, из-за протекции Сориар или из-за тебя… но приятного всё равно мало.

– Это их работа, – я развёл руками. – Они обязаны проверить всё, что могут, включая самые нелепые и абсурдные версии. И ты удостоилась их внимания лишь потому, что некто использовал твои конспекты…

– Так и есть, – Алисия коротко кивнула, не дав мне договорить. – Но понимание этого не делает допрос менее… унизительным, – это слово было произнесено особенным тоном. – Меня выдернули из комнаты на рассвете, даже привести себя в порядок толком не дали. Соседки теперь смотрят на меня так, словно я – преступница, которую вот-вот выведут на чистую воду. Не все, конечно, но многие.

– Они быстро забудут, – я поспешил прервать поток рассуждений, способных завести девушку куда-то не туда. – Как только появится новый повод для сплетен. А он появится обязательно – время сейчас такое. Что ни день, то новый слух или громкая новость…

– Наверное, ты прав, – девушка выдохнула и чуть опустила плечи. Полностью её напряжение не отпустило, но и это уже было немало. – Лександр, я хотела спросить… то, что было в записке. Всё ведь серьёзно? Это не чья-то шуточка?

– Не шуточка, и – да, всё серьёзно, – я не стал отрицать очевидного, понимая, что «несерьёзное» не держали бы под грифом «секретно», и «несерьёзным» не занимался бы наследник Трона, собирая вокруг себя лучших из лучших. И Алисия не дура, чтобы понять: о «несерьёзном» я бы прямо и без недомолвок мог бы ей всё рассказать.

«Поэтому для сохранения тайны порой лучше что-то, да озвучить».

– Но, Алисия, всё это тебя касается лишь отчасти. Недостаточно для того, чтобы ты плохо спала или чрезмерно беспокоилась из-за произошедшего. Тебя и твой конспект использовали просто потому, что ты была защищена хуже, чем кто-либо из моего окружения…

– Это формальное рассуждение должно как-то меня успокоить? – Алисия вздела бровь, а в её голосе неожиданно прорезался несвойственный её мягкости едкий скепсис, соседствующий с прорезавшимися прямыми, как топор, формулировками. – Лекс, если ты думаешь, что я сейчас выдохну, скажу, что раз мне ничего не угрожает, то и ладно… То ты сильно ошибаешься.

Я чуть понизил голос, предварительно вновь убедившись в том, что лишних ушей в округе не прибавилось:

– Нет, это не должно тебя успокоить. Тем более, что угроза всё-таки есть. Но я бы предпочёл, чтобы ты услышала мою точку зрения из моих же уст, а не довольствовалась догадками, – я выразительно посмотрел на девушку. – Я рад, что мои опасения оказались беспочвенными и ты… не расклеилась.

«Дипломатично сказано – сам себе поражаюсь, что б меня!».

– Угроза есть… – Алисия задумчиво повторила мои же слова, не услышав или просто проигнорировав сомнительный комплимент. – Кто-то использовал мои записи не потому, что во всей академии не нашлось клочка бумаги. Логично…

– Это было заявление о намерениях, – подтвердил я. – Поэтому мне нужно, чтобы ты была особенно осторожна, Алисия. Ещё более осторожна, чем сейчас. Не ходи одна, особенно вечером. Обо всех странностях не стесняйся сообщать кому угодно – охране, преподавателям, мне, любому «человеку в чёрном». Безопасники уже в курсе, что ты – потенциальная цель, и они будут присматривать…

– Как за приманкой? – в голосе девушки промелькнула горечь.

– Как за рычагом давления, – поправил я. – Ты – буквально единственный человек из моего окружения, с которым я много общался в прошлом. Рядом со мной в принципе не так много людей, через которых на меня можно надавить. А уж в черте академии – раз, два, и обчёлся. Шанс, что наши враги действительно попытаются «демонстративно покарать» одного не в меру ретивого Лазаря, невелик, но он есть. Поэтому ты будешь под защитой. Не самой явной и не бросающейся в глаза, но более чем реальной. Уж поверь моему опыту.

– Эта защита уже не раз допустила промашки, Лекс, – Алисия сложила руки под грудью, вдохнув. – Но я всё понимаю и прислушаюсь к твоим словам. Правда.

– Спасибо, Алисия, – я улыбнулся, медленно и глубоко кивнув. – И… прости, что шлейф моих проблем добрался и до тебя. Я надеялся, что этого не случится, если мы будем держать дистанцию… но получилось так, как получилось.

Она покачала головой:

– Ты не виноват в том, что кто-то решил использовать меня против тебя. Мог ли ты сделать больше? Разве что как-то помешав поступить в академию… – Алисия вдруг хихикнула нервно, и смешок этот перетёк в грустную улыбку. – Хотя тебе достаточно было просто ничего мне не показывать там, в поезде. Без тех советов я бы просто не прошла практический этап экзамена, как абсолютное большинство простолюдинов…

– Ты недооцениваешь себя, – я поморщился. – Но… ладно, не будем сейчас об этом. Держись Терезы, Готье и остальных. И как-нибудь передай мне своё расписание. А лучше вообще заполни его так, чтобы…

– Чтобы время оставалось только на сон? – девушка впервые с начала разговора улыбнулась одновременно искренне и без напряжения. – Я и до этого старалась взять от учёбы максимум, Лекс. И сейчас сделала то же самое…

Девушка сунула руку в сумку, найдя там листочек с таблицей, кропотливо заполненной элегантным, почти каллиграфическим почерком.

– Возьми. Так будет проще понять, где я буду и когда меня можно будет найти, если вдруг что. Я всё помню и заполню заново за пять минут, не беспокойся, – лист перекочевал ко мне. – И иди, Лекс. Тебя ждут. Спасибо за беспокойство… правда спасибо.

Я сходу не нашёлся с ответом, а после Алисия уже развернулась, широкими, – для её роста, – шагами направившись к друзьям.

Мне оставалось только кивнуть и тоже вернуться к своим.

Когда я опустился на стул рядом с Эльзой, за столом царила почти осязаемая, порядком устоявшаяся тишина.

Лиза смотрела на меня с многозначительной улыбкой, не сулящей для моего душевного спокойствия ничего хорошего, а Виктор старательно делал вид, что его досмерти интересует содержимое лежащей перед ним рабочей тетради с девственно чистыми листами в клеточку. Не выделялась и Мариэлла, поправляющая манжету с видом столь сосредоточенным, словно от этого зависела судьба всей Империи.

И только Громов с присущей ему невозмутимостью действительно заканчивал заполнять бланк с расписанием, делая вид, что ничего, в общем-то, не произошло.

А Эльза… она сидела, выпрямив спину и сложив руки на столе перед собой. Её лицо казалось на удивление растерянным, на скулах играл румянец, а смотрела она «в никуда» – на абсолютно непримечательный стеллаж напротив.

– Что-то случилось? – поинтересовался я, опускаясь рядом с Эльзой и переводя взгляд с одного лица на другое в тщетных попытках понять, что именно привело к такому результату. Мой разговор с Алисией? Едва ли. Кто-то чужой нас подслушивал? Тогда мои друзья вели бы себя иначе. Какие-то новости? Тоже не то.

«Проклятье. Я искренне ненавижу оказываться в ситуациях, когда ничего не ясно…».

– О, ничего особенного, – Лиза улыбнулась ещё шире. – Просто мы тут обсуждали кое-что…

– Лиза, – голос Эльзы прозвучал резко и хлёстко. Настолько, что этого хватило, чтобы унять пыл Громовой.

– Всё, молчу-молчу, – брюнетка вскинула руки в жесте сдачи. – Я вообще не из болтливых. И обсуждать щекотливые темы ненавижу. Дима, подтверди!

– Не впутывай меня в женские конфликты, – Громов даже головы не поднял.

Я же снова посмотрел на рыжеволосую аристократку, которая как раз обернулась, вперив в моё лицо взгляд, горящий от бушующих в её глазах эмоций. Мне моментально стало не по себе: она не злилась и не выглядела раздражённой, но и довольной её тоже назвать было сложно.

– Лександр Лазарь, – начала она тихо, – можно тебя на пару слов? В стороне. В коридоре.

«А ведь это даже не вопрос…» – промелькнула заставившая меня чуть улыбнуться мысль.

– Разумеется, – я встал, бросив короткий взгляд не на абы кого, а на Виктора. Тот не выдержал и хмыкнул, осёкшись под взглядом кузины.

«Что ж, по крайней мере, это не что-то плохое. Уже хорошо».

Мы отошли ко всё тому же окну, у которого разговаривали меньше часа назад. Эльза остановилась, сложила руки за спиной, перекатилась с пятки на носок и смешно задрала голову. Её лицо всё ещё пылало, но голос оставался на удивление ровным:

– То, что ты сказал за столом и перед тем, как уйти к Алисии. Это было… правдой? Или просто фигурой речи?

Я замер, нахмурившись и прокрутив в голове свои последние слова, что оказалось на удивление непросто сделать – слишком много всего обреталось в последние дни в моих мозгах, чтобы дословно помнить всё сказанное.

Но эту фразу я запомнил отчётливо.

«За это я тебя и люблю».

Слова, произнесённые легко и небрежно, так, словно озвучивались десятки и сотни раз до этого. И я даже не заметил оговорки, саботировавшей моё намерение не сближаться с девушкой слишком сильно и слишком быстро – до того глубоко задумался.

«Альтаир, ты старый идиот, умудрившийся признаться в любви между делом. Целое событие для молодой девушки, прозвучавшее в процессе обсуждения расписания и исходящей от террористов угрозы. Просто замечательно!».

– Это правда, – сказал я, ни разу не покривя душой. – И… я не планировал говорить это так. Вообще не планировал это озвучивать в ближайшие месяцы, Эльза. Но это не ложь, не преувеличение и не оговорка…

Она молчала несколько секунд, прежде чем медленно, старательно сдерживая себя, выдохнуть. Её плечи опустились, а в голосе наконец-то прорезалось ехидство.

– Ты выбрал не лучшее время для таких признаний, – тихо сказала она, вздохнув. – Вокруг нас творится непонятно что. Террористы, диверсанты, волнения в верхах, интриги, Имперская Безопасность, желающая, но неспособная запихнуть по микрофону в каждый уголок… И ты, Лександр Лазарь, говоришь мне это сейчас. Ровно тогда, когда твои и мои враги этим всем воспользуются с превеликой радостью…

– Я понимаю, – я взял в руку её пальчики, слегка сжав. – Вокруг нас действительно слишком много всего того, что мы никоим образом не контролируем. Слишком много угроз и неопределённости. Но что-то мне подсказывает…

«Опыт, Лександр, опыт. Тот самый, на который ты не можешь больше ссылаться».

– … что-то мне подсказывает, что ничего не успокоится ни сейчас, ни через месяцы или годы.

Эльза поджала губы, сжав мою ладонь в ответ:

– Ты противоречишь сам себе. Сначала говоришь, что не планировал этого говорить. А теперь – что тянуть нет смысла…

– Жизнь в принципе штука противоречивая, – улыбнулся я. – И одно другому не мешало, ведь я колебался.

– Пф-ф, – девушка фыркнула, мотнув головой. Но на этот раз это было сделано без раздражения. – Я тоже тебя люблю. Раз уж ты решил быть честным, то и я скажу прямо. Я люблю

тебя, Лександр Лазарь. Мне страшно от того, как быстро это произошло, но я не собираюсь отступать. Понял?

– Более чем, Эльза. Более чем… – Я притянул её к себе, и Эльза податливо прижалась ко мне, словно кошка, спрятав лицо в моей груди.

Мы простояли так несколько секунд, прежде чем она задрала голову, поймав мой взгляд:

– Но когда это всё закончится, – она скользнула язычком по верхней губе, – я стребую с тебя нормальное признание, Лександр. Со свечами, цветами, белым жеребцом и тромбоном. И безо всяких блондинок в радиусе двадцати километров.

– Я могу понять, почему ты не хочешь видеть поблизости блондинок, но… тромбон? – я вздел бровь. – Ты ведь меня знаешь, я запомню.

Эльза посмотрела на меня неоднозначным взглядом, после чего отступила на полшага. Секунда, вторая, третья – и она наконец бросила:

– Вот и хорошо. Уж постарайся ничего не забыть, Лекс. И… – она схватила меня за рукав пиджака, потянув за собой, – идём уже обратно. Виктор наверняка что-то придумал, Лиза ему с этим помогла, а Мариэлла начала сожалеть о том, что вообще связалась с моим непутёвым родственником…

Я хмыкнул и шагнул следом, в два шага поравнявшись с рыжеволосой аристократкой, которой румянец был очень даже к лицу.

– Такие, как она, не отступают. Если только по очень серьёзному поводу…

К моменту, когда мы вернулись за стол, по лицам друзей уже можно было с уверенностью сказать: они всё поняли, проанализировали, возможно, обсудили и вывели экспертное заключение, распечатав его в трёх экземплярах и одну копию отправив к нотариусу.

Слишком уж хитрые у них всех были лица для чего-то менее масштабного, скажу я вам.

– Все всё выяснили? – деловито поинтересовался Дима голосом, лишённым даже намёка на веселье или насмешку. Зато искреннее удовлетворение увиденным он, глядя на Эльзу, демонстративно усевшуюся поближе ко мне, скрыть даже не попытался.

– Выяснили, – кивнул я, беря в руки авторучку.

– Превосходно, – брюнет сдержанно кивнул. – Тогда, может быть, мы наконец-то закончим составлять расписание? А то у меня были планы, и чем дольше мы тут сидим, тем с большей вероятностью мне придётся вас преждевременно оставить…

– Белль? – поинтересовался я, приподняв бровь. – Точно. Расписание…

– Именно, – парень кивнул. – Я предполагаю, на какие занятия Белль захочет записаться, но мне всё равно нужно всё с ней согласовать. И если мы хотим вместе попасть в первой волне регистрации, то сделать это нужно уже сегодня…

– Первая волна? – Лиза недоумённо посмотрела на брата. – Что за первая волна?

– Административный аппарат академии не резиновый, – Дима отложил ручку в сторону, закончив заполнять табличку. – С сегодняшнего дня несколько сотен студентов подадут документы, которые будут согласовывать в администрации, в Имперской Безопасности, у гвардии и Небо ведает, у кого ещё. В этой бюрократической машине расписания могут завязнуть минимум на пару-тройку дней, так что…

– И ты молчал?! – девушка вскинулась возмущённо. – Уже полдня прошло!

– Мы всё ещё успеваем, – Громов пожал плечами. – И даже я с Белль успеваю. Ажиотажа вокруг бланков и расписаний не наблюдалось, и я наслышан о том, что администрация даже вынуждена организовывать оповещение студентов об этом новшестве. Так что…

Лиза встала из-за стола первой:

– «Так что, так что»! А может и не так?! – она обвела всех взглядом, сгребя свои бланки в стопку, выровняв её и прижав к груди. – Дописывайте, и выдвигаемся! Я не хочу ещё сутки мариноваться без дела или на самообучении из-за слишком болтливых, слишком эмоциональных и слишком неодиноких друзей!

– Элизабет Громова страждет облобызать гранит науки… – протянула Эльза, усмехнувшись. – Я думала, что меня уже ничего не сможет удивить после того, как в Первой Академии завелись террористы. Но ты смогла меня удивить, подруга…

– Не язви, Эльза, – Лиза вздёрнула носик, скрестив руки на груди. – Иначе я тоже начну язвить. А у меня есть тако-о-ой повод…

Брюнетка протянула это таким тоном, что передёрнуло, пожалуй, всех и каждого.

– Не делай так больше, – отрезала Эльза, сбледнув с лица. – Тебе не идёт, и вообще – звучишь как… нехорошо звучишь, в общем. Все всё дописали? Нам действительно не стоит медлить, раз уж на то пошло. И…

Её взгляд упал на Громова.

– Я буду в порядке, даже если чуть задержусь, – Дима мягко улыбнулся. – Не вам мне объяснять свои мотивы…

А после мы, наконец, собрались, вооружились заполненными бланками и двинулись в административное крыло, на ходу по которому уже разу сверяясь друг с другом.

Впереди маячило повторное начало занятий, и почему-то мне хотелось верить в то, что самое неприятное осталось позади...

Глава 7. Кружок по интересам. Часть I.

Административное крыло Первой Академии и в лучшие свои времена не вызывало у студентов горячего желания наведываться туда без крайней необходимости, потому как, если верить старожилам, награждали в этом учебном заведении редко, а наказывали – наоборот, слишком уж часто.

Сейчас же в дополнение к слову «администрация» в этих стенах обосновалась Гвардия и Имперская Безопасность, возведя неприязнь студентов к ним если не в абсолют, то очень близко к тому.

Любой вызов сюда был неизменно продиктован подозрениями, и заканчивался опросами, допросами и другими разновидностями пыток, признанных эталонными в бюрократическом аду.

Единственным островком жизни тут были стенды с объявлениями, до которых, – по сравнению с их копиями в холлах и галереях, – приходилось довольно далеко идти. Но только тут в ста процентах случаев удавалось найти любую способную заинтересовать студента документацию, от бланков до объявлений и свежих поправок к одобренным ИБ регламентам.

И вполне закономерным я считал тот факт, что охраны и постов гвардии тут было с избытком. Мужчины и женщины в форме стояли, не для красного словца, через каждые пятнадцать-двадцать метров, и считали своим святым долгом с демонстративно-скучающими лицами наблюдать за галдящей, шепчущейся и возмущающейся молодёжью.

– Я начинаю испытывать к этим людям что-то, превосходящее даже уважение, – заметил Виктор, глядя на то, как рослый студент с лицом потомственного аристократа в третьем поколении потерянно смотрит на стопку бумаг, выданных ему в одном из кабинетов. – Не к студентам, разумеется.

– Не уточняйте, пожалуйста, – тихо отозвалась Мариэлла мягким и проникновенным тоном. Настолько проникновенным, что блондин вынужденно вздохнул.

– Отсутствием реакции ты лишаешь меня половины удовольствия от беседы, Мари…

– От этого беседа только выигрывает, – улыбнулась девушка, бросив на Виктора лукавый взгляд. – По крайней мере, в плане смысловой нагрузки.

– Однажды, – Виктор обернулся, найдя нас взглядом, – летописцы и историки обобщат всё мною сказанное, и поймут, как они близки к разгадке всех тайн вселенной. Но не хватит им той части моих слов, от которой вы отмахиваетесь, друзья мои…

– Пф-ф. Паяц, – Эльза фыркнула, крепче в меня вцепившись.

– Я предпочитаю нечто вроде «непризнанного пророка», – Виктор тут же расправил плечи. – Но так уж и быть, в кругу друзей смирюсь и с менее звучным титулом.

– Великодушно, – отозвалась Лиза, с подозрительным прищуром рассматривая студентов, собравшихся в очередь у одной из дверей. – А теперь, непризнанный пророк, объясни, почему здесь столько народу, если все вокруг ещё полчаса назад искусно делали вид, что добровольно-принудительные занятия никого особо не интересуют?..

– Потому что, – Громов ответил раньше готового сострить блондина, – все вокруг пришли к тем же выводам, что и мы. Кто первым согласует бумажки, тот получит шанс не оказаться в последней волне распределения.

– А кто окажется в последней? – спросила Мариэлла, чуть-чуть нахмурившись.

– Тот будет изучать этикет кризисных ситуаций в шесть утра, боевую практику проходить после ужина, а право расположится где-то посередине.

– Звучит жестоко, – хмыкнула Лиза, – особенно в устах человека, который самоуверенно пошёл в одну сторону с намерением согласовать всё попозже ради дамы своего сердца, но на полпути прибился обратно. Суровые реалии бытового реализма возобладали над романтикой?

– Отнюдь, – Дима усмехнулся, бросив взгляд на сестру. – Всё гораздо проще. Подруги Белль сказали, что она-де сама направилась регистрировать своё расписание. А то, что мы в итоге снова объединились на полпути… спасибо Имперской Безопасности – и тому, что из точки в точку теперь существует по одному разрешённому маршруту, не более.

– Иронично, – заметил я, окинув взглядом коридор. – Ограничение свободы перемещений внезапно повысило вероятность случайных встреч…

– Не случайных, – поправил меня Дима. – Предсказуемых.

– Это звучит ещё хуже, – я качнул головой.

– Зато намного точнее. Предсказуемость в любом мероприятии упрощает планирование и контроль…

– Ну только не надо об организационных моментах развёртывания гарнизонов, Дима, – закатила глаза Элизабет, попутно пройдясь пальцами по каре густых, почти чёрных волос, сегодня могущих похвастаться лёгким отливом грозовой синевы. – Лучше давайте ускоримся, пока нас вон та толпа не обогнала…

Я кивнул и первым ускорил шаг, потянув за собой Эльзу.

«Тем не менее, если раньше Первую Академию можно было смело назвать маленькой моделью Империи, варящейся в собственном соку, то теперь, после введения «почти-военного положения» и лишения студентов львиной доли свобод, академия вплотную приблизилась к почётному званию военного же училища. Особенно с учётом добавленных по неизвестно чьей инициативе предметов…».

Мысли нынешняя картина вызывала не самые приятные, поднимая со дна воспоминания, которые я бы хотел забыть и никогда больше не вспоминать: первые годы обучения в первой жизни, масса проблем, компромиссов, конфликтов и поражений выковали того, кто после твёрдо встал на ноги в качестве полноценного, самостоятельного мага…

Но хороший результат не отменял ни сложностей на пройденном пути, ни изменений, порой негативных, вклинившихся из-за этого в мой характер.

До нужного кабинета мы добрались в течение минуты, после чего застряли в очереди на добрых полтора часа, коротая время за беседой и чередой расшаркиваний с теми, кто к нам подходил. А таковых было достаточно много для того, чтобы у меня замылился глаз, и на наступившее в какой-то момент затишье я не обратил ни малейшего внимания, продолжая объяснять Эльзе принципы масштабирования точных конструкций так, как понимал эти методы сам.

– Господа, леди, – «неожиданно» обнаружившийся рядом с нами Александр произнёс эти дежурные слова с не менее дежурной улыбкой, призванной скрыть усталость и раздражение, расчертившие лицо принца тонкими, едва видимыми тенями.

Такие разительные перемены, произошедшие за несколько часов, наглядно демонстрировали, что Его Высочество сейчас сдерживал в себе жгучее желание ради своего душевного спокойствия отправить львиную долю студентов копать котлованы вокруг академии от рассвета и до заката, лишь бы они не путались больше под ногами.

– Рад видеть, что временный регламент и нелицеприятные обстоятельства не отбили у вас стремления к знаниям… – продолжил он, сложив руки за спиной.

Двое гвардейцев, сопровождавших принца, остановились чуть в отдалении вместе с Поуком, целенаправленно демонстрирующим полнейшую незаинтересованность во всём происходящем.

– Скорее напротив, Ваше Высочество, – Виктор поклонился первым, соблюдя все гласные и негласные правила с безупречной точностью. – Чем больше вокруг запретов, тем сильнее хочется найти себе занятие, которое не запрещено. Для чистоты совести, по меньшей мере…

– Похвальная гибкость мышления, – Александр чуть склонил голову. – Действительно, чем меньше свободного времени, тем меньше сил для сожалений по недоступному.

Принц дождался, пока все покончат с полагающимися любезностями, после чего перевёл взгляд на меня.

И вот тогда его улыбка стала несколько менее «общей».

– Лександр, – принц выдержал небольшую паузу. – Сегодня вечером мне понадобится твой взгляд на ряд обстоятельств. После ужина. О точном времени тебя известят позже.

«Второй созыв назначили раньше ожидаемого. Неприятно, но терпимо».

– Принято, Ваше Высочество. Буду ждать сообщения.

– Надеюсь, без чрезмерного энтузиазма, – принц устало усмехнулся одними уголками губ. – В нынешних обстоятельствах оный лучше вообще оставить в стороне…

Эльза чуть сильнее сжала пальцы на моём предплечье. Не так, чтобы это было заметно со стороны, но достаточно, чтобы выразить свою обеспокоенность.

Ей определённо всё это не нравилось: ни то, что меня вновь привлекают к чему-то потенциально опасному, ни то, что делают это в коридоре, битком набитом студентами.

«Возможно даже, что она видит в этом куда больше просто за счёт лучшего понимания ситуации в Империи. Как ни крути, а прежде, чем я полноценно вникну в местные реалии, пройдут месяцы или даже годы. Поначалу я рассчитывал на то, что учёба в академии позволит мне подготовиться без чрезмерных рисков и в условиях «песочницы для детишек», но какой-то уж больно недружелюбной эта песочница оказалась…».

– Я и не планировал проявлять неуместную инициативу, – я ответил максимально нейтрально, потому как ни один из других доступных мне, так скажем, вариантов ответа, не подходил для того, чтобы озвучить его в окружении десятков человек.

– В таком случае, не смею вас более задерживать, – Александр скользнул взглядом по нашей маленькой компании. – Не стоит давать администрации лишних поводов проявить творческий подход в вопросе составления ваших расписаний…

– Масштабы потенциальных разрушений от творческого подхода местного административного аппарата можно сравнить с… – Виктор начал было, но осёкся под прохладным взглядом принца, считавшим намерение блондина быстрее, чем тот сам успел осознать последствия своей шутки.

– С твоими же дурными шутками, Виктор, – заполнила образовавшуюся на секунду паузу Мариэлла. – Простите его, Ваше Высочество. Виктору порой свойственно говорить вперёд мысли…

– Пустое, – формальная улыбка и мягкость тона принца соседствовали со всё таким же прохладным, утратившим всякую фамильярность взглядом. – Всего хорошего, господа, дамы…

Александр Затворницкий плавно развернулся, и вместе со своим сопровождением покинул коридор, скрывшись за поворотом. А в моей голове промелькнула вдруг мысль, что принц, свой в разговоре «тет-а-тет», на людях становился ровно тем, кем и должен был являться – наследником огромной Империи, старающейся удержаться на своих двоих в преддверии шторма.

– После ужина, значит, – тихо произнесла Эльза, когда и студенты вокруг наконец отмерли, начав обсуждать или только что увиденное, или что-то своё.

– К сожалению, – я кивнул, развернувшись к друзьям и полноценно взяв девушку под руку. К счастью, Эльза считала этот толстый намёк на не менее толстые обстоятельства, и не стала развивать тему. Хотя ей, безусловно, было, о чём мне поведать. – Итак… что там с нашим местом в очереди?

– Почти подошла, – Громов кивнул на дверь, за которой только что скрылся очередной студент. Перед нами осталось всего с десяток человек.

– Это слова, способные согреть душу даже в тоскливых катакомбах сего учебного заведения, – доверительно заявил Виктор, бросив взгляд на очередь. – Ещё немного, и нашей относительной свободе будет положен конец. Благодать!..

– А ты оптимист, – хмыкнула Лиза, оперевшись на стену и скрестив руки на груди.

– Безделье хорошо лишь тогда, когда его выбираешь ты сам, а не тогда, когда тебя на него обрекают, – степенно ответил блондин. – Данное конкретное безделье в довесок сопряжено беспокойством на предмет сохранения жизни себя и близких, так что я совершенно не желаю называть его хоть сколь-нибудь приятным…

– Высказался всё-таки, – я покачал головой, с улыбкой глядя на парня и Мариэллу, недовольно насупившуюся.

– Если делать вид, что чего-то нет, то это что-то не пропадёт, даже если зажмурится весь город, – Виктор Шталь, паяц и балагур, развёл руками, не заметив или не захотев замечать, какой эффект на всех произвели эти его слова. – Хуже будет только если запретить говорить о том-чего-нет, начать наказывать за упоминание того-самого-придуманного, а всех несогласных отправить… куда-нибудь. На север…

Эльза тяжело и почти демонстративно вздохнула:

– Вот по этой причине отец и планировал отправить тебя в провинцию такую далёкую, чтобы даже твой язык без костей не накликал беду, Вик, – рыжеволосая аристократка посмотрела на кузена с таким выражением на лице, что тот аж просиял от удовольствия. По какой причине ему так нравилось собирать «комплименты» – никому ведомо не было. – Но раз за тобой присматривает Мариэлла, то я спокойна. Частично.

– Ты очень высокого обо мне мнения, Эльза, – отозвалась «герцогиня», на лице которой обозначилась мягкая, довольная улыбка. – Спасибо за это.

– Не спеши благодарить, – Виктор взял девушку под руку. – Леди Мариэлла пока ещё плохо осознаёт масштаб бедствия, с которым ей предстоит столкнуться…

– А к концу месяца она либо закалится, либо начнёт сожалеть о сказанном и сделанном, – Элизабет бросила на парочку взгляд, в котором на долю мгновения промелькнуло что-то, напоминающее сожаление.

Но юная леди Озмунд ничуть не смутилась, ответив улыбкой и всё тем же тихим, проникновенным голосом:

– Вы плохо представляете себе, с чем мне приходилось сталкиваться до знакомства с Виктором, – Мариэлла целенаправленно подтянула Виктора к себе, наплевав на явную разницу в габаритах. – Но я ценю вашу заботу о моём душевном равновесии, Элизабет.

– Я сделаю вид, что не видела и не слышала ничего из этого, – вздохнула Эльза, задрав голову и поймав мой взгляд. – Лекс, умоляю, скажи, что со стороны мы не выглядим так же глупо.

– Со стороны мы не выглядим так же глупо, Эльза, – послушно отозвался я, получив ощутимый тычок локотком в бок. – Что?

– Что? – Эльза вскинула бровь. – Ты издеваешься, Лександр Лазарь. Над бедной мной, оказавшейся в расстроенных чувствах из-за придурошности кузена и неясных обстоятельств…

– Разумеется, нет, – я ответил со всей серьёзностью, которую только смог из себя выдавить. – Я всего лишь беру пример с великих…

– Если ты будешь брать пример с Виктора, то я за себя не отвечаю, – проворчала Эльза, но пальцы на моём предплечье не разжала. Лишь прижалась плотнее, пропуская протискивающегося мимо бедолагу с забракованными администрацией бланками, да так и не отпрянула.

Очередь тем временем продвинулась ещё на несколько шагов, а в кабинет на наших глазах начали впускать студентов по двое.

И дело, как это обычно бывает, пошло вдвое быстрее, заставляя всех присутствующих посочувствовать организаторам процесса, до которых истина о необходимости выделить

ещё одного человека для проверки бланков доходила несколько часов: им определённо очень тяжело жилось в современном мире.

А когда от ведущих в святая святых дверей нас отделяла всего пара человек, до нас добралась издалека заприметившая Громова Белль.

Сориар пришла не одна: с ней шла пара девушек из вассальных графскому роду семей, один юноша-аристократ весьма щуплого и пугливого вида, и сразу несколько простолюдинов, прямо на ходу тихо и уверенно о чём-то переговаривающихся.

«И что самое примечательное, на них почему-то никто открыто не пялится и пальцем не тыкает. Что это, если не возмутительная избирательность? Как Лазарь с простолюдинами, так всё – скандалы, интриги, расследования. А как Сориар, так чем бы дитя не тешилось. Хотя формально статус у нас почти одинаковый… не считая того, что я уже успел продемонстрировать в этих уютных стенах, приютивших диверсантов и террористов» – успела сформироваться немаленькая мысль прежде, чем Белль продефилировала к нашей компании, не встретив на своём пути ни намёка на возмущение попытками обогнуть очередь, в чём по поводу и без все всех обвиняли, наверное, с самого появления здесь пресловутой очереди.

– Господин Громов, – Белль начала с на удивление официальной нотки, не иначе как из-за множества свидетелей. – Как удачно. Я как раз надеялась здесь с вами встретиться…

– Леди Сориар, – Дима коротко и официально склонил голову, а после опустил её чуточку ниже положенного – жест, который в его исполнении означал исключительно симпатию к собеседнику. – Я испытывал ту же надежду. Ваши подруги направили меня сюда где-то полтора часа тому назад…

– Прошу простить, – Белль смутилась и отвела взгляд. – Меня отвлекло другое важное дело. Пришлось задержаться…

Наблюдать за их расшаркиваниями и неловкими попытками остаться в рамках приличий, обусловленных разницей в их положении, которые они соблюдали исключительно по средам в нечётные часы, было забавно, но скучно.

Мысли в голове перемешивались, а фокус внимания перепрыгивал с одного на другое. Какая-то часть меня хотела просто выдохнуть и пообщаться с Эльзой и остальными, в то время как другая жаждала более осмысленных и способных принести значимые результаты действий. Старый рационалист забился в дальний уголок и помер, не совладав со свойственными мне спонтанными порывами и склонностью к повальному эскапизму, наложившимся на гормоны молодого тела.

«Иронично. Я нет-нет, да размышлял о том, что сделаю, если смогу сменить тело или даже мир. Переродившись или начав с нуля. Планы, готовность пахать и не тратить время на глупости… И вот я здесь».

– Лекс, ты чего? – Эльза, которую я неосознанно притянул поближе, подняла на меня свои тёмные, задумчивые глаза. Немного наивные, но вместе с тем не по годам мудрые.

– Задумался, – я качнул головой, а после наклонился и легонько поцеловал девушку в лоб. – Просто задумался, Эльза…

– О приятном? – рядом раздался спокойный женский голос, узнать который, впрочем, для меня не составило никакого труда.

Ровная, выверенная интонация человека, уверенного в том, что само её появление – событие достаточно весомое для того, чтобы все присутствующие отвлеклись.

В коридоре объявилась леди Роксана Изерелли…

Глава 8. Кружок по интересам. Часть II.

Прим.Авт: Случилась небольшая путаница с именами. Последняя строка предыдущей главы поправлена, здесь дублируются три последних абзаца. Катарина ->Роксана. Извиняюсь за ошибку, упустил её на стадии вычитки.

– О приятном? – рядом раздался спокойный женский голос, узнать который, впрочем, для меня не составило никакого труда.

Ровная, выверенная интонация человека, уверенного в том, что само её появление – событие достаточно весомое для того, чтобы все присутствующие отвлеклись.

В коридоре объявилась леди Роксана Изерелли.

Что примечательно, появилась она не откуда-то из-за спин студентов: это было бы для неё слишком банально. Вместо этого она как-то подошла так, чтобы «материализоваться» в непосредственной от нас близости, произведя соответствующий эффект.

Впору было заподозрить её в применении магии или врождённом умении ходить сквозь стены, но практика пока показывала, что подобные манипуляции в этом мире можно встретить только в немногочисленной художественной литературе.

– Леди Изерелли, – Белль первой повернулась к ней, за какую-то долю мгновения избавившись от предназначавшейся Громову искренней мягкости. – Какое неожиданное совпадение.

– В этих стенах, леди Сориар, заметные случайности обычно оказываются следствием либо дурной организации, либо чьей-то подготовки. Или, всё-таки, чистой случайностью, – Роксана улыбнулась по-лисьи и наклонила голову. – Что применимо в нашем с вами случае – вопрос открытый…

– Поразительная… напористость, – блондинка отозвалась таким тоном, что «наглость» в последнем слове не прочитал только глухой.

– Вынужденная, – Роксана, впрочем, отступать и не думала. – Интересующего меня господина выловить оказалось в принципе сложно, а прежние точки соприкосновения из-за новых обстоятельств оказались бесполезными… – расстроенно протянула она, ничуть не изменившись в лице. – Я же и так долго ждала возможности пообщаться с другом детства…

Эльза, всё ещё удерживающая меня за локоть, напряглась. Совсем чуть-чуть, но я достаточно хорошо изучил её, чтобы заметить даже такую малость.

Правда, возможности вклиниться в разговор мне всё равно не дали, ибо Белль Сориар, по всей видимости, восприняла появление Роксаны Изерелли не иначе как в качестве личного оскорбления:

– Друзья детства, – отозвалась дочь графа, совершенно неискренне улыбнувшись. – Как трогательно, леди Изерелли.

– Правда? – Роксана чуть наклонила голову. – Люди часто недооценивают силу детских воспоминаний. Они, порой, сохраняются лучше, чем можно было того ожидать. А потому, да – я считаю Лександра другом детства. И вас, с позволения сказать, это не должно волновать слишком уж сильно…

Роксана смерила опешившую Белль высокомерным взглядом, после чего шагнула в мою сторону:

– А вы, Лександр, что об этом думаете?

И по её подозрительному прищуру, направленному на моё лицо, можно было бы сказать, что она знает или догадывается о моих «проблемах» с воспоминаниями или, что точнее, с их отсутствием, но я предпочитал надеяться на то, что это не так.

Даже если сам по себе такой вывод не требовал гениальности или способности видеть сокрытое между строк: могло оказаться достаточно одного-единственного разговора с неловкими паузами и моей неспособностью смотреть на «подругу детства» иначе как на фамильный портрет далёкого и усопшего лет так двести назад родственника.

– Детские воспоминания имеют свойство приукрашиваться со временем, – я старался говорить мягко и размеренно, выигрывая себе побольше времени на анализ выражения на лице девушки. – Особенно если воспоминания эти датируются восьмигодовалым возрастом.

– О, – Роксана прижала ладонь к груди, распахнув и тут же прищурив яркие синие глаза. – Вы всё-таки что-то помните, Лександр. Я тронута вашей избирательной и, что важнее, такой удобной в жизни амнезией…

«Проклятье. Вот и как прикажете общаться с человеком, который, формально, пока не сделал мне ничего плохого, и просто рассчитывает на возобновление старого знакомства? Пусть даже и в такой, напористой форме…» – подумал я одно, а озвучил, как это повелось, совсем другое.

– Если вас это утешит, леди Изерелли, то беззаботное детство я действительно помню не целиком. И не потому, что это «удобно», – я качнул головой, не прерывая зрительного контакта с аристократкой, глаза которой приоткрылись чуть шире, повредив её лисьему прищуру.

В коридоре повисла короткая, продлившаяся всего несколько секунд, но оказавшаяся более чем ощутимой пауза. В ярких синих глазах Роксаны окончательно утвердилось нечто среднее между любопытством и удовлетворением от достижения промежуточной цели, но и эти отблески пропали, стоило лишь ей моргнуть: для своих лет она контролировала себя более, чем достойно.

– Что ж, – начала она, демонстративно поправив выбившуюся из причёски прядь, – это многое объясняет, Лександр. Ваша… «амнезия», должно быть, доставляет немало хлопот. Особенно когда случается встретить людей, которые помнят вас лучше, чем вы сами…

– Тогда уж о людях, помнящих ту версию меня, которой больше не существует, – вежливая, спокойная улыбка на моём лице не дрогнула ни на миг, даже когда пальцы Эльзы на моём предплечье сжались чуть крепче. – Времена меняются, леди Изерелли. Люди – тоже.

– О, я это заметила, – Роксана прохладно улыбнулась. – Раньше вы были куда более… непосредственным. Теперь же взвешиваете каждое слово так, словно оно может стоить вам всего. Похвальная перемена, хоть и несколько… неожиданная.

– Перемены случаются и тогда, когда их ничего не предвещает, леди Изерелли, – я пожал плечами. – Жизнь вносит коррективы по своему усмотрению, и, скажем, моё мнение на этот счёт никого не интересовало…

Роксана была вполне не прочь ответить, продолжив выдаивать из меня информацию капля за каплей, но вмешалась Белль. До сего момента она наблюдала за обменом любезностями с лицом скучающей государыни, но теперь отчего-то решила, что уже сказанного более, чем достаточно.

– Леди Изерелли, – она шагнула на полшага вперёд. – Если вы закончили обсуждать то, о чём лучше было говорить за закрытыми дверями, то, возможно, мы могли бы наконец перейти к делу? Как вы видите, – блондинка кивнула на студентов, только что нас обогнувших и вошедших в кабинет, чтобы не задерживать очередь, – светские беседы не способствуют решению вопросов, ради которых мы здесь и собрались.

Роксана перевела мигом потяжелевший взгляд на Белль Сориар:

– Вы всецело соответствуете своей фамилии, леди Сориар. Дела, дела, дела… – девушка сложила руки под грудью, вскинув подбородок. – Что ж, извольте. Я слышала, что вы с господином Лазарем организовали нечто вроде учебного кружка для… менее одарённых и соответственно обделённых студентов. Плебса, если говорить прямо.

– Осведомлены вы прекрасно, – холодно отозвалась Белль. – Но касается ли это вас хоть каким-то образом?..

– О, самым непосредственным, леди, – смуглянка прищурилась. – Видите ли, я нахожу эту инициативу весьма… любопытной. Настолько, что хотела бы предложить свою посильную помощь. Вы ведь ведёте эту деятельность не вдвоём, как я, опять же, слышала…

Я приподнял бровь, но промолчал, позволяя куда более сносно ориентирующейся в местных реалиях Белль решать возникшую проблему. Или пользоваться возможностью – тут уж как посмотреть.

Ведь как по мне, так чем больше аристократов вовлечено в это действо, тем более смазанным будет негативный эффект, когда и если кто-то решит уличить нас в попрании устоявшихся порядков.

– И в каком же качестве, леди Изерелли, вы рассчитываете нам помочь?

– В качестве наставницы, разумеется, – Роксана пожала плечами так, словно озвучила нечто столь же очевидное, как то, что солнце восходит на востоке. – У меня есть определённый опыт в работе с… начинающими. Ведь вам не помешает лишний человек, или я ошибаюсь?..

Роксана замолчала, спокойно встретив задумчивый, изучающий взгляд Белль. Блондинка смотрела на «соперницу» так, словно пыталась найти в её словах подвох… и это намерение было вполне себе закономерным.

Изерелли не производила впечатление человека, склонного к бескорыстной помощи кому бы то ни было.

– Допустим, – медленно протянула Белль спустя несколько секунд. – Но вы должны понимать, что это не светский клуб, леди Изерелли. У нас есть программа и определённые требования к наставникам. Включая навыки и… этические аспекты.

– Этические аспекты – это, безусловно, важно, – Роксана улыбнулась краешком губ. – Но программа и навыки важны не меньше. Вы же понимаете, что для ваших простолюдинов ещё один практик будет ценнее очередного лектора? Я слышала, эту заботу на себя взял господин Лазарь… но он один. А вы, леди Сориар, больше по административной части…

Белль заметно помрачнела: слова Роксаны достигли своей цели, потому как практические навыки дочери рода Сориар действительно уступали навыкам организационным.

– Вы правы, – девушка моментально взяла себя в руки. – Моя роль – координация и организация процессов. Именно поэтому я решаю, кто подходит для работы с нашей группой, а кто – нет. И я не принимаю подобные решения в коридоре и там, где полно чужих ушей. Если вы действительно заинтересованы, леди Изерелли, то мы можем обсудить это позже. В более подходящей обстановке.

– Что ж, это… разумно, пожалуй, – Роксана кивнула спустя секунду, словно именно на этот ответ у неё уже был припасён целый набор возможных реакций. – Я свяжусь с вами, леди Сориар. И с вами, господин Лазарь. Вас на удивление проблематично застать где бы то ни было в одиночестве…

Её взгляд скользнул по мне сверху вниз, а на лице промелькнуло так не понравившееся Эльзе выражение.

– Всего хорошего, леди Изерелли, – вежливая улыбка и ровный тон оставались тем единственным, что, по моему разумению, должно было не давать Эльзе поводов напрячься.

Она и без того не выказывала признаков ревности или сильного беспокойства, но опыт прожитых лет заставлял меня перестраховываться там, где это было возможно.

И особенно – если перестраховка ничего толком от меня не требовала.

Роксана тем временем усмехнулась, словно услышав что-то очень забавное. И, не прощаясь, развернулась, растворившись в потоке студентов… и оставив после себя странное, не самое приятное, но вместе с тем почти нейтральное послевкусие.

А судя по лицам друзей, ощутил это не только я: девушка с нетипичной для Империи внешностью и подать себя умела не менее нетипично.

– Интересная особа, – нарушила молчание Лиза, проводив взглядом изящную спину необычной аристократки. – И часто она вот так… объявляется?

– Достаточно часто, чтобы это раздражало, – сухо выдохнула Белль. – Но недостаточно, чтобы разозлить. Она умна, и это проблема.

– Это проблема, которой мы займёмся позже, – вмешался Дима, кивнув на дверь кабинета, из которого как раз выпустили очередного студента. – Мы и так пропустили нескольких человек вперёд себя…

– Формально, – заметил Виктор, бросив взгляд на Белль и её небольшую свиту, старательно прикинувшуюся ветошью, – это можно считать актом бескорыстного благородства. Мы уступили дорогу нуждающимся…

– Формально, – Лиза перехватила инициативу, – мы стояли и таращились на словесную дуэль двух аристократок, одну из которых сюда привлёк Лекс. Это не претензия, если что.

– Это факт, – я кивнул брюнетке. – Изерелли рассчитывала «добраться» до меня в клубе, вступив туда же, но всем известные обстоятельства помешали. И… Дима, иди в кабинет первым. Нужно тут закругляться.

Громов спорить не стал, молча скрывшись за дверью. В коридоре ещё несколько секунд продержалась тишина, предшествующая новому витку обсуждения оказавшихся на повестке дня вопросов, после чего Белль, решив не терять времени даром, всем корпусом повернулась ко мне:

– Изерелли – заметный род, Лександр, – начала она без предисловий, лишь немного понизив голос. – Роксана умна, упряма и очень-очень редко делает что-то без причины. И я скажу прямо: её интерес к вам выглядит личным. Что, впрочем, не означает, что он только личный, – «только» Сориар намеренно выделила тоном. – Если вы действительно были близки в детстве, то у меня ещё меньше причин ей отказывать…

– Насколько вообще восьмилетние дети могут быть близки? – недовольно бросила Эльза, задав риторический по своей сути вопрос. – И что дальше?

– Если Роксана хочет в «кружок по интересам», то лучше впустить её на наших условиях, – пояснила Белль, глядя попеременно то на меня, то на Эльзу. – Отказ не убьёт её интерес, это очевидно. Просто перенаправит в другое русло… и это может оказаться чревато. А официальное её вступление позволит установить хоть какие-то внутренние правила…

– Изерелли не выглядит как человек, которого смутит риск нарушения каких-то там правил в невнятном полуподпольном кружке, – не согласился я. – Что, впрочем, не отменяет того факта, что отказать ей – значит спровоцировать на… устроение нам мелких и досадных неприятностей.

«А ещё мне будет проще знать, где она мне будет «угрожать», чем гадать, когда и в каком месте эта леди решит объявиться снова».

– Пф-ф, – Эльза фыркнула. – Это будет слишком мелко для аристократки, ставящей себя так, как это делает она.

– Да простят меня военачальники рода Изерелли, но я знаю Роксану, и могу подтвердить слова Лександра, – блондинка перевела взгляд на меня. – Она не пакостит в том смысле, который принято вкладывать в это слово, но обеспечить небольшие, разносторонние и неприятные уколы – вполне в её духе.

Эльза развела руками:

– Значит, моё представление о ситуации меня же и подвело, – девушка демонстративно вздохнула. – Тогда мне пока нечего сказать. И это «пока» затянется надолго, из-за некоего… информационного вакуума.

– Как изящно ты обозвала отсутствие связи со внешним миром, дорогая кузина, – хмыкнул Виктор, оперевшись на стену. – Так что же, леди Сориар, к чему вы ведёте?...

– К тому, что Роксана действительно может нам помочь, – пояснила девушка. – Формально я уже оформила часть документов, но теперь, со всеми новыми регламентами, прежнего пакета недостаточно. Нужно обновить регистрацию нашего «клуба», утвердить расписание и состав, уведомить Имперскую Безопасность и, наконец, выглядеть достаточно благонадёжно…

– Сориар и Лазарей недостаточно, чтобы выглядеть благонадёжно? – Эльза вновь вскинула бровь так, как могла только она одна – выразительно и вместе с тем элегантно. – Это нонсенс.

– Всё происходящее – нонсенс, – отрезала Белль. – Первая Академия никогда не была в таком положении. Студенты здесь – тоже. И у меня есть основания полагать, что администрация совместно с ИБ будет использовать все возможные формальные причины для того, чтобы предотвратить появление лишних клубов.

– Не говоря уже о том, что изначально речь о клубе не шла в принципе, – хмыкнул я. – И я совсем не разбираюсь в вопросе, поэтому не могу посоветовать ничего дельного…

– Ты и без того уже привлёк потенциального кандидата, который облегчит нам жизнь, – отмахнулась Сориар. – Этого, как и твоих практических способностей, вполне достаточно…

Щёлкнул замок на двери, и в коридор вышел Дима:

– Следующий. Белль?

Девушка окинула брюнета взглядом, задумалась о чём-то – и кивнула.

– Я быстро. И… господи, какое же неудачное место и время мы выбрали для обсуждения! – Сориар вздохнула, а спустя пару секунд уже скрылась в кабинете.

Студенты, наблюдавшие за её недавним появлением, а теперь – за тем, как она прошла «вне очереди», зароптали, но под нашими взглядами быстро затихли. Статус и репутация, несмотря на ничтожный срок, прошедший с начала учёбы, бежали впереди нас и обеспечивали определённые привилегии.

Пусть даже и столь «наглые».

А пока Виктор взялся вводить Громова в суть обсуждения в своей театрально-растянутой манере, Эльза потянула меня за рукав:

– Лекс, и много у тебя таких подруг детства? Которые материализуются из ниоткуда, не понимают слова «нет» и настойчиво до тебя докапываются?

В голосе рыжеволосой аристократки звучала не ревность, а, скорее, холодная настороженность человека, который отчётливо видит потенциальную угрозу, и пытается оценить её масштаб.

– Насколько мне известно, Роксана Изерелли – единственная, – честно ответил я. – Я бы предпочёл, чтобы она оставалась в прошлом, но у неё на этот счёт другие планы…

Эльза помолчала несколько секунд, прежде чем сдержанно кивнуть:

– Просто постарайся сделать так, чтобы она держалась в рамках, Лекс. Потому что если она всё-таки перейдёт черту…

– Этого не будет, Эльза, – я наклонился, поцеловав её в макушку, что, с её ростом, проделать можно было легко и непринуждённо.

В этот момент из кабинета вышла Белль, и следующей заверять расписание двинулась Лиза.

Дальнейший разговор перетёк в обсуждение важных нюансов грядущих великих свершений, а в момент, когда все мы наконец-то покончили с бюрократией и готовились покинуть это негостеприимное место, к нам подошёл младший инспектор Имперской Безопасности…

Глава 9. Определяющая сделка.

Вайс Ситиз, младший инспектор Имперской Безопасности, двигался сквозь толпу с грацией человека, не сомневающегося в том, что перед ним расступятся: за считанные дни, проведённые в этих стенах, в нём проклюнулись ростки заносчивости, свойственной, пожалуй, особистам во всех мирах и временах.

«Чувство власти у отдельно взятых исполнителей диктуемой сверху воли – это проблема. Но исполнители, пресмыкающиеся перед теми, за кем должны следить и кого сдерживать – проблема ещё большая» – мысленно вздохнул я, уже кивнув остановившемуся в двух метрах мужчине.

– Господин Лазарь, – Ситиз обозначил короткий, выверенный поклон. – Господин Корвин просит вас уделить ему время. К сожалению, подходящий срок уже определён как «сейчас»… – мужчина окинул взглядом нас, очередь и дверь кабинета. – Ваши бумаги примут без вашего личного присутствия. Имперская Безопасность поспособствует.

Я бросил на Эльзу мимолётный взгляд. Она поджала губы и едва заметно качнула головой – «я всё понимаю», мол.

– Мои бланки, – я вручил бумаги девушке. – Подашь за меня?

– Конечно, – рыжеволосая аристократка педантично чуть-чуть загнула уголок у крайнего листа, и только после этого объединила стопку со своей. – Иди, Лекс. Мы тут закончим, и будем или на площади, или опять в библиотеке. По крайней мере, я буду.

– Спасибо, Эльза, – хотелось бы добавить что-нибудь про то, чтобы она была осторожной, но будем честны – все здесь присутствующие и так были на нервах, чтобы лишний раз без особого смысла напоминать об угрозе.

Обменявшись кивками со всеми остальными, я развернулся к Вайсу, и мы двинулись прочь от кабинета. По пути он что-то бросил дежурящему тут «человеку в чёрном», и тот скрылся в кабинете, отведённом под утверждение расписаний – не иначе как побежал выполнять обещание «поспособствовать» с решением бюрократического вопроса.

Мы пересекли холл, приковывая к себе взгляды студентов, и вышли на улицу, где меня уже дожидался знакомый чёрный экипаж без опознавательных знаков.

Вайс распахнул передо мной дверцу, и я незамедлительно проскользнул внутрь, с относительным комфортом устроившись на жёстком сиденье. Мужчина сел напротив, но на этот раз утыкаться в планшет не стал, посмотрев на меня с заметным интересом – выжидающим таким, демонстративным.

И это было неожиданно, потому как ранее он только и делал, что изображал из себя безмолвную-безвольную прослойку между мной и Управлением, держа дистанцию и «отрабатывая» строго по формальным алгоритмам.

– Господин Лазарь, позвольте полюбопытствовать, – закономерно начал он, стоило только экипажу выехать за границы Первой Академии. – Как вам удаётся сохранять самообладание в обстоятельствах, которые любого другого студента давно бы выбили из колеи?

Я чуть приподнял бровь: вопрос, конечно, был задан очень вежливо, но за ним явно что-то стояло. И мне не верилось в то, что Вайс Ситиз просто решил полюбопытствовать.

«Вот только чего ради Корвин его надоумил? Просто способ ненавязчиво собрать щепотку информации прежде, чем «Лександр Лазарь» перейдёт в режим опасливого ежа, готового ко встрече с Имперской Безопасностью? Или им интересна моя реакция? А то и всё вместе… м-да».

– Я его и не сохранял всё это время, господин Ситиз, – ответил я, чуть улыбнувшись. – Когда тебя пытаются убить дважды за неполный месяц, третий раз уже ощущается как что-то неизбежное.

Мужчина хмыкнул, но сходу комментировать мои слова не взялся. Взглянул в оконце, из которого были видны просторные улицы Сант-Море и висящие в небе дирижабли.

Много дирижаблей. Даже слишком.

– Обстановка остаётся напряжённой, – заметил он спустя десяток секунд. – Мы работаем на пределе своих возможностей. Но основная угроза всё ещё не выявлена, о чём вы, господин Лазарь, и без меня знаете…

Я поймал его взгляд, отметив про себя, что образовавшуюся паузу мужчина заполнять не спешил. Значит, ему всё-таки нужен был мой ответ, и эта пространная фраза об угрозах и трудностях не была риторической.

– С учётом недавно сделанных предположений, полагаю, Имперская Безопасность найдёт и устранит угрозу уже в ближайшие дни, – я качнул головой. – Но я не исключаю того, что всё гораздо сложнее. Как-никак, моё мнение – это по большей части мнение дилетанта, ничего не смыслящего в оперативной работе.

– Дилетанты, господин Лазарь, время от времени замечают то, что упускают из виду профессионалы. Свежий взгляд – это ресурс, полезность которого невозможно переоценить.

Я хмыкнул, но развивать тему не стал.

Безопасник, в общем-то, тоже предпочёл помолчать: экипаж уже свернул с центрального проспекта на боковую улицу, преодолел несколько перекрёстков и остановился во внутреннем дворе филиала Управления Имперской Безопасности по городу Сант-Море… и, подозреваю, не только по нему.

Как и ранее, меня провели мимо вездесущих постовых и запирающихся на тридцать три замка дверей. Мы поднялись на второй этаж, миновали один длинный коридор – и мне указали на массивную, обитую металлом дверь с номером «213».

Иных опознавательных знаков на ней не было, но Вайс едва ли мог потеряться в этих стенах.

– Господин Лазарь прибыл, – оповестил мужчина после того, как постучал, дождался отрывистого «войдите» и распахнул перед нами дверь. Внутрь он заходить не стал, пропустив меня вперёд и оставшись в коридоре.

Временный, – а как иначе? – кабинет Фидеаса Корвина оказался в точности таким, каким и должен был быть. Аскетичная функциональность не позволила ему оставить здесь что-то кроме стола, двух стульев и почти пустого стеллажа, на который ему просто нечего было ставить. Всё, что требовалось безопаснику, лежало на столе – пара папок с документами, защищённый планшет и сиротливо приютившаяся у края столешницы авторучка.

Корвин тем временем поднял на меня взгляд, продемонстрировав всё такое же непроницаемое, как и обычно, лицо. Разве что тени под его глазами теперь пролегли куда глубже, а складка на лбу так и вовсе грозила прописаться там на ПМЖ.

Со здоровым сном офицер Имперской Безопасности в последний раз встречался, по всей видимости, очень и очень давно.

– Господин Лазарь, – мужчина обозначил короткий кивок. – Благодарю за оперативность. Присаживайтесь. Разговор может быть долгим, и я предпочёл бы провести его без лишних формальностей.

Я опустился на стул напротив. Корвин водрузил руки на стол, сцепив пальцы в замок, и подался вперёд.

– Я пригласил вас не для того, чтобы тратить ваше и своё время на допросы, – предисловия офицер решил опустить. – И не для того, чтобы предъявлять претензии. У меня к вам деловое, в некотором смысле, предложение. Но прежде чем оно будет озвучено, я хочу убедиться в том, что вы понимаете контекст. Полностью понимаете.

Корвин выдержал паузу, а я молча кивнул, дав ему понять, что слушаю.

– За последние двое суток вы, господин Лазарь, сделали несколько вещей, которые не могли и не остались незамеченными. Вы проинформировали свой ближний круг об угрозе и, подозреваю, предприняли меры. Вы не отказались от вашего проекта по обучению лояльных простолюдинов. Вы привлекли внимание массы аристократов, интерес которых к вам сложно оценить однозначно, и ещё сложнее – убедиться, что среди них нет врагов Империи. И, наконец, вы вступили в команду Его Высочества…

Он перечислял эти пункты спокойно и размеренно, совсем незначительно выделяя отдельные слова интонацией и короткими паузами. Но напрягало тут то, что он знал больше, чем предполагалось.

А о чём не знал – о том предполагал, как в случае с «принятыми мерами».

– В совокупности со всеми вашими подвигами, для восемнадцатилетнего студента, – продолжил Корвин, чуть прищурившись, – это уже очень много. Даже если предположить, что вы действовали и действуете из лучших побуждений. Имперская Безопасность склонна предполагать, что это так и есть. На текущий момент, господин Лазарь.

– Вы говорите так, словно разглядели во всём этом некий грандиозный план, – качнул головой я, скрестив руки на груди. – Вынужден разочаровать, господин Корвин. Всё, что я делал и делаю, не преследовало каких-то глобальных целей. Укрепиться в Академии, чтобы беспроблемно продолжить учёбу. Впоследствии – защитить дорогих мне людей, раз уж охрана и Имперская Безопасность спасовали… не в укор вам, но это факт. Никаких долгоиграющих планов я составить просто не успел, потому как рассчитывал на спокойные годы в стенах самого безопасного места в Империи…

Корвин поднял руку раскрытой ладонью ко мне:

– Перебью вас, Лександр. Никто вас сейчас не обвиняет. Я констатирую факт. И хочу не пресечь ваши начинания, а оформить всё это так, чтобы мы помогали друг другу, а не мешали и не создавали лишние сложности на ровном месте. Понимаете? – мужчина приподнял бровь, совсем чуть-чуть наклонив голову.

– Оформить? – я переспросил. – Что конкретно вы имеете в виду?

– Кружок простолюдинов, – Корвин подтянул к себе одну из папок, не глядя раскрыв её на первой странице. – Мы не будем его закрывать или запрещать вам организовывать «собрания» под предлогом недопустимости самостоятельной практики. Напротив, Имперская Безопасность в случае необходимости окажет посильную помощь с формальностями. Список участников, расписание, ответственные наставники, куратор – всё это будет зафиксировано и одобрено согласно вашим пожеланиям. В разумных пределах, конечно, и исключительно до тех пор, пока де-факто вы будете держать всё под контролем.

– А вы, в свою очередь, получите возможность беспроблемно наблюдать, – понимающе покивал я.

Правда, мужчина воспринял это по-своему.

– Взамен вы получите защиту от обвинений в несанкционированных сборищах и запрещённой деятельности, – вставил он резко, но всё ещё сохраняя спокойный тон. – А мы – да, возможность наблюдать и быть в курсе происходящего из первых уст. Но будем откровенны, господин Лазарь: наблюдать Управление будет в любом случае. Вопрос лишь в том, в каком статусе за вами придётся вести присмотр.

«Прямое предложение от спецслужб – это что-то сродни элегантному парящему розовому бегемоту. И тем не менее, я сейчас здесь, и едва ли брежу».

– Допустим, – протянул я с выставленной напоказ задумчивостью. – Но вас ведь заинтересовали не только наши «сборища». Вы ожидаете, что я буду докладывать вам о каждом своём значимом шаге?

– Нет, – Корвин отозвался незамедлительно. – Я ожидаю от вас понимания, господин Лазарь. Каждое ваше действие имеет последствия. Ваш ближний круг – это не просто некие

эфемерные друзья, которых можно рассматривать в отрыве от окружающего мира. Все они – не просто люди, но связи, риски, рычаги и каналы, если позволите так выразиться. Это понимаем мы, это понимают и наши враги, уже наглядно продемонстрировавшие это, в том числе и вам лично.

– Согласовывать с вами всё подряд я тоже не намерен, господин Корвин. На мой дилетантский взгляд, – я посмотрел прямо на него, – это было бы решением преждевременным.

– О том и не прошу, – Корвин впервые за весь разговор позволил себе лёгкую усмешку и проявление в голосе некоего отголоска эмоций. – Но кооперация, как и извещения Управления о ваших планах, были бы очень кстати. А взамен вы получите легализацию вашего кружка, прямой канал связи со мной и теми, кто вправе принимать решения, и, конечно же, деньги. Но об этом позже. Сейчас же я хочу, чтобы вы приняли тот факт, что Имперская Безопасность не намерена вас использовать. Мы намерены с вами работать, а это… принципиально разные вещи, господин Лазарь.

Корвин не давил, вместо этого выкладывая «карты» на стол одну за другой так, чтобы их можно было рассмотреть, оценить и принять осознанное решение. Никаких ультиматумов, угроз и настоятельных просьб.

Чудо какое-то, не иначе.

– Вы сказали, что хотите убедиться в том, что я понимаю контекст, – наконец произнёс я, выдержав солидную паузу. – Тогда позвольте и мне прояснить, каким я этот контекст вижу здесь и сейчас.

Я дождался, пока Корвин кивнёт, давая понять, что он готов слушать и слышать.

– Вы видите во мне не угрозу, а формирующуюся структуру. Круг людей, связи, каналы влияния – всё то, что, по вашему мнению, можно использовать. Не агентурная сеть, но близко к тому. И вы хотите, чтобы эта сеть росла не стихийно, создавая слепые пятна, а была… встроена в общий контур безопасности, так скажем.

Мужчина чуть приподнял бровь:

– Продолжайте.

– Вы не можете просто запретить мне действовать, потому что это вызовет сопротивление – моё, моей семьи, моих друзей, а там и до Его Высочества недалеко. Давить на меня можно, но контрпродуктивно. Гораздо проще предложить сотрудничество, – я чуть улыбнулся. – Не просто сохранить дефицитный сейчас человеческий ресурс, но и получить результат, который в ином случае обойдётся куда дороже. Предположу, что мою экстраординарную способность оказываться на острие ножа оценили достаточно высоко, чтобы захотеть поставить её себе на службу…

– Вы весьма точно описали ситуацию и выводы аналитиков, господин Лазарь, – ответил Корвин, задумчиво хмыкнув. – Намного точнее, чем я ожидал.

– Это было несложно, – я позволил себе изобразить тот самый максимализм, который обычно присущ юношам «моих» лет. – Вы не первый человек, который пытается меня «встроить» в свои планы, господин Корвин. И, надо полагать, Его Высочество уже замолвил за меня словечко перед Управлением?..

Следователь ответил не сразу, то ли поразившись моей наглости, то ли призадумавшись – сложно было сказать по его собранному, не пропускающему эмоции лицу.

– Вы правы лишь отчасти, – наконец бросил он. – Его Высочество действительно высоко оценивает ваши способности и потенциал. Но моё предложение продиктовано не только и не столько этим. Наши аналитики изучили весь доступный материал, Лександр. Ваши действия в поезде и в лесу, выступление на экзамене, нюансы взаимодействия с низшим сословием и аристократией, участие в инциденте с попыткой похищения леди Озмунд, ваша хладнокровная и разумная реакция на вчерашнее письмо – всё это вызывает уважение, господин Лазарь. И желание сделать так, чтобы ваши таланты послужили Империи уже сейчас.

– И что конкретно вам нужно, господин Корвин? – я подался вперёд. – Совместная работа – очень… пространное определение. Как и «информирование о планах». Мне больше по душе, когда условия договора просты, понятны и однозначны…

Корвин неожиданно усмехнулся:

– Такого в нашем деле не бывает, Лександр. Но я попробую быть предельно конкретным.

Корвин развернул ту самую папку «лицом» ко мне, пододвинув её к краю стола.

– Выгоды для вас я уже озвучил, и там всё предельно понятно, смею надеяться. Посему, перейдём к тому, что ожидает получить от вас Управление, – мужчина сцепил руки в замок перед собой. – Первое. Вы обязуетесь регулярно, без принуждения и по собственной инициативе сообщать мне или моим людям о… «странностях», как бы обобщённо это ни звучало. Вы сейчас – объект интереса многих, Лександр, и вокруг вас постоянно находится значительное число аристократов. К вам могут обращаться как за помощью, сотрудничеством и дружбой, так и с попытками выведать информацию, закрытую для широких масс, прямо или опосредованно. Вам будет намного проще заметить неладное, чем любой квалификации наблюдателям. Хотя бы в силу того, что мы не в силах приставить по соглядатаю к каждому студенту академии.

– Это допустимо, – можно было и не говорить о том, что я в любом случае проинформировал бы Имперскую Безопасность, если бы кто-то из студентов вызвал бы у меня такие подозрения.

– Прекрасно. Теперь второе. Ваш ближний круг, – я чуть нахмурился. – Я не прошу отчитываться о каждом их шаге, но вы и сами заинтересованы в обеспечении безопасности своих товарищей. Посему, нелишним будет передать им контакты доверенных людей в Управлении, а также сообщать мне или моим заместителям обо всех подозрительных брожениях в их отношении. Связь, хочу заметить, в скором времени в черте Академии восстановят вновь…

– Это прекрасные новости, – искренне признался я, поняв, кажется, почему мне всё-таки вручили коммуникатор. – А третье?

– Третье – леди Изерелли, – Корвин выдержал небольшую паузу. – Её интерес к вам выглядит личным, но я не склонен доверять совпадениям. Скажите, Лександр, вы ей доверяете?

«Проклятье!» – вот и всё, что смог выдать мой мозг в эти краткие секунды.

– Я не могу ответить однозначно, господин Корвин, – медленно ответил я, перебирая в голове множество вариантов, которые позволили бы мне выйти из ситуации и не расписаться в собственной «амнезии». – Мы встречались в далёком детстве. С её слов – успели подружиться… но я этого не помню. Слишком давно это было.

– Не помните, – повторил Корвин, неоднозначно качнув головой. – Это любопытно.

– Вы знакомы с моим досье, господин Корвин, и, полагаю, не станете спорить с тем, что последние годы моей жизни не располагали к сохранению особо тёплых воспоминаний о детстве, – и вновь я сослался на образ жизни «прошлого себя», уповая на то, что такое обстоятельство не подведёт и в этот раз. – Я не говорю уже о прошедших с момента нашего знакомства годах.

– Что ж… – заговорил Корвин спустя полминуты. – У нас нет оснований считать, что леди Изерелли – враг, но её к вам интерес, Лександр, вспыхнул очень уж своевременно. По этой причине я отдельно попрошу вас соблюдать умеренную осторожность.

– Это само собой разумеется, господин Корвин, – согласился я незамедлительно, потому как думать насчёт этого пункта не было смысла. – Что-то ещё?

– Пока – всё, Лександр. Если вы согласны с озвученными условиями, то я предлагаю зафиксировать нашу договорённость. Не на бумаге – это было бы излишне. Достаточно вашего слова… и моего, конечно же.

– Вы так доверяете моему слову, господин Корвин?

«Потому что я вашему доверяю постольку-поскольку, знаете ли» – промелькнула едкая мыслишка перед тем, как я продолжил:

– Я склонен считать, что для обоюдного спокойствия разумно было бы зафиксировать договорённость на бумаге, даже если де-факто это ни на что не повлияет…

Корвин посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом, прежде чем сдержанно кивнуть, выдвинуть ящик стола и достать тонкую стопку девственно-чистых листов плотной бумаги.

– Пункты, которые мы обсудили, я изложу кратко, – произнёс он, споро и уверенно выводя слово за словом и строку за строкой. – Никакой двусмысленности и точные формулировки. Впрочем, между строк всё ещё остаются нюансы, посвящать которые документу не имеет смысла – слишком расплывчаты и двояки формулировки. Вас устроит такой вариант?

Лист лёг передо мной, и я пробежался взглядом по лаконичному тексту, закрепляющему в большей степени обязательства Имперской Безопасности, нежели мои собственные. Было ли это проявлением доверия? Отнюдь. Просто Корвин, как и всякий разумный человек в Империи, уповал на моё благоразумие.

«Потому как юлить и не соблюдать договорённости со столь влиятельной организацией – это кретинизм. Но предложение сулит слишком много выгод, чтобы от него отказываться. О том, что говорить «нет» в таких случаях в принципе не принято, и такое количество ответных любезностей предлагают не каждому».

– Более чем, господин Корвин, – я поставил подпись на обоих листах «документа», после чего принял из рук мужчины папку для бумаг и убрал в неё свою копию. – Мы закончили?

– Практически, – Корвин поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен. Я последовал его примеру, внутри уже ожидая того самого «но» или попытки заброса удочки, если хотите. Интуиция меня не подвела и в этот раз. – Последнее, Лександр. Если по ходу вашего с Его Высочеством расследования всплывёт что-то, что покажется вам важным… я был бы признателен, если бы вы, в рамках нашего соглашения, дали мне об этом знать. К сожалению, Его Высочество считает необходимым сообщать нам не обо всём… порой просто в силу того, что один человек не способен воспринять такой объём информации разом.

Я приподнял бровь, про себя отметив, что, похоже, не всё спокойно в королевстве Датском, и Имперская Безопасность работает с Александром не столь плотно, как ей бы того хотелось.

– Если это не будет противоречить моим обязательствам перед Его Высочеством, господин Корвин, – спокойно ответил я, бросив демонстративный взгляд на дверь.

– Разумеется, Лександр. О большем я и не прошу, – губы мужчины тронула едва заметная усмешка, и на этом наш разговор действительно завершился.

Я вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь, и только тут, в коридоре, позволил себе выдохнуть. Вайс, ожидавший неподалёку, шагнул ко мне в ту же секунду:

– В академию, господин Лазарь?

– В академию.

В конечном счёте, на сегодня из железно запланированного оставалось ещё совещание с Александром и его ближним кругом…

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.